

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 61 (912)

Воскресенье, 15 декабря 1940 г.

Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Воспитание молодых писателей Александр ЯШИН. Чкалов (стихи). КНИГИ БУДУЩЕГО ГОДА. План Детиздата. План ойротского издательства. ЗА НЕДЕЛЮ.

2 стр. ПИСЬМО КАЛМЫЦКОГО НАРОДА СВОЕМУ СТАРШЕМУ БРАТУ — ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ. Б. БОРИСОВ, М. МИШИН. Служба полтора года... 3 стр. Александр ДРОЗДОВ. Две повести М. Булавина. В. РЯХОВСКИЙ. Горькое детство. Николай НЕЗЛОБИН. Новые стихи. Мингалл ЗАЙНУДИНОВ. Новеллы Фатих Хусни.

4 стр. НА ОБСУЖДЕНИИ КНИГ О В. В. МАЯКОВСКОМ. Выступления А. Фадеева и Л. Тимофеева. БИБЛИОГРАФИЯ.

5 стр. А. ГУРВИЧ. Театры миниатюр. П. СЛЕТОВ. Слово и музыка. А. ИВИН. Книга Джемса Бертрама.

6 стр. О. К. Творческая помощь писателю. Сергей ВА-СИЛЬЕВ. Эпиграммы. Д. ВИШНЕВСКИЙ. У писателя Харьков. Л. АСАТИАНИ. Литературная жизнь Грузии. А. КОПТЕЛОВ. Встречи с «бывальными» людьми. ИНФОРМАЦИЯ.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Всякому гражданину нашей страны открыт доступ к самым вершинам культуры, каждому дано осознать себя как творческую личность, развивать свои способности и способности. Каждый год пополняются ряды писателей молодыми силами, и обязанность опытных, профессиональных литераторов состоит в том, чтобы создать молодым кадрам благоприятные условия для идейного и творческого роста. Этому учит нас двадцатилетний опыт развития советской литературы. Прочтите высказывания писателей старшего и среднего поколения, и вы почти всегда встретите у порога их литературной судьбы высокую фигуру Горького, сурового и требовательного мастера.

Но Горького нет с нами, и ни один из нас в отдельности не в состоянии заменить его на посту руководителя и воспитателя начинающих литераторов. Это наше общее, почетное дело, и каждый зрелый писатель обязан внести в это дело свою лепту. Массовое литературное движение в нашей стране никогда еще не было таким мощным, как сейчас. Между тем, литературные организации — и в первую очередь Союз советских писателей, которым надлежит воспитывать начинающих литераторов, в своем большинстве работают плохо, формально, на ходоном ходу, никак не воздействуя на живой процесс.

В июне 1939 г. на совместном совещании бюро ЦК ВЛКСМ и президиума ССП было внесено развернутое постановление о методах работы с молодыми писателями. Менее всего это постановление имело в виду формальное выполнение намеченных мероприятий. Но даже и со стороны формальной оно не выполнено. А ведь работа начинается только там, где есть страстное отношение к делу, действительная любовь к новому литературному поколению, к каждому отдельному, новому таланту, преступающему заветный порог литературы. Такое отношение складывается в бюро областных комиссий ССП, и потому работа ее дает осязательные плоды. Систематически проводятся курсы-конференции писателей, где старые и молодые литераторы встречаются за обсуждением рукописей. Но работа бюро областных комиссий — счастливое исключение, и успех ее является прямым результатом любознательности, проявленной несколькими писателями, а не выражением системы работы, принятой нашими литературными организациями.

Впервые тому же постановлению и неоднократно указанным партией, наши литературные организации уделяют весьма слабое внимание идейно-политическому воспитанию молодежи. При Московском клубе писателей недавно открылся филиал университета марксизма-ленинизма. В числе слушателей имеются и молодые литераторы, правда, в небольшом числе, по мере меньше литераторов начинающих. Помимо того, филиал университета имеется только в Москве и Ленинграде, и потому проблема повышения идейно-политического уровня литературной молодежи попрежнему остается открытой. Между тем, решение этого вопроса не терпит больше никакого отлагательства. Именно отсутствием последовательной заботы об идейно-политическом воспитании литераторов «в первую очередь объясняются факты низкого идейного качества творческой работы, задержания, нетерпимого отношения отдельных молодых писателей к критике, случай морально-бытового разложения...» (Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и президиума ССП). Президиум ССП должен незамедлительно принять меры к тому, чтобы при областных отделениях ССП были организованы систематические лекции по марксизму-ленинизму, с непосредственным участием в слушании молодых литераторов. Без глубокого постижения марксизма-ленинской теории писатель никогда не сможет проникнуть в те глубины действительности, где ему открываются все мотивы, все связи и закономерности. Поверхностность, а не «знание» марксизма-ленинской теории приводит к тому, что основные идеи эпохи присутствуют в произведении в виде отвлеченных формулировок, вместо того чтобы пронизывать его живую образную ткань.

Союз писателей и все наши литературные организации должны сейчас же приступить к проведению в жизнь постановления Бюро ЦК ВЛКСМ и президиума ССП, все пункты которого являются сегодня столь же актуальными, какими они были в июне прошлого года. Наши журналы попрежнему уделяют минимальное место статьям о молодой литературе; попрежнему нет у нас сборников статей по вопросам теории литературы, языка, поэзии, драмы, прозы, на основе учения Маркса-Ленина-Сталина об искусстве; попрежнему

му журнал «Молодая гвардия» (так же, как и прочие) не дает «обзоры центральных и областных литературно-художественных журналов» и редко рецензирует произведения молодых авторов; попрежнему журнал «Литературная учеба» влечет безразличное существование и попрежнему в основе его работы отсутствует «конкретная помощь литературной молодежи»; попрежнему работа литературных консультаций при издательствах находится вне всякого контроля президиума ССП...

Формально считается, что наши издательства и художественные журналы вернулись сейчас «лицом к молодежи», но на деле талантливого начинающему литератору и поныне бесконечно труднее напечатать свое произведение, чем писателю-профессионалу, хотя бы и посредственного дарования. Такова сила инерции. В прошлом году издательство «Советский писатель» сделало хороший начин: выпустило в свет два альманаха прозы и стихов молодых писателей: «Московский альманах» и «Звено». Но на этом дело и кончилось. Материал для следующих номеров уже давным-давно собран — более полугодом, но о печатании еще нет и речи. И это в то время, когда благополучно выходят в том же издательстве посредственные книги, представляющие для читателя куда меньший интерес. «Не беда, молодые, подождут!»

В основе неправильного отношения наших литературных организаций и части писателей к литературной молодежи до недавнего времени лежало странное представление о литературной среде, как о неподвижном, замкнутом в себе мире, состоящем из определенного числа членов ССП, которые писали, пишут и будут писать вечно. Между тем, оказалось, что литературная среда подвержена тем же процессам отмирания и рождения, что и весь жизненный процесс; оказалось, что пока писатели писали, успешно подрастая новое литературное поколение, оно долго стояло в двери литературы, прежде чем было услышано. И до сих пор все еще действует старая инерция мышления, непоколебимая, нежелание потесниться. Еще нередко опытный литератор долгие месяцы держит рукопись молодого литератора, и не в силах преодолеть отвращение к колючей обязанности читать «чужие каракули»...

В литературе в полной мере могут быть отнесены слова товарища Сталина: «... у одной части старых кадров бывает иногда склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять на старом и не замечать нового в жизни. Это называется потерей чувства нового. Это очень серьезный и опасный недостаток. Что касается молодых кадров, то у них, конечно, нет того опыта, закалки, знания дела и силы ориентировки, которыми обладают старые кадры. Но, во-первых, молодые кадры составляют громадную большинство, во-вторых, они молоды и им не урочается, пока-что, выход из строя, у-рочается, у них имеется в избытке чувство нового... драгоценное качество каждого большинства рабочего, и в-третьих, они растут и превращаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят стариков, станут бок-о-бок с ними и составят им достойную смену. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы ориентироваться либо на старое, либо на новые кадры, а в том, чтобы держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства».

Да, речь идет о соединении старых и молодых литературных кадров, речь идет о том, что надо открыть широко дорогу новой литературной смене, новым талантам, зреющим или созревшим за последние годы. Речь не идет также о какой-либо скидке на молодость — напротив, нужна самая суровая требовательность. Но в основе требовательности должны лежать чуждость и благожелательность, ясное сознание того, что работа с молодежью — это залог цветения нашей культуры. Литератор, который изолирует себя от литературной молодежи, который не ощущает разумом и сердцем связи времен, — это человек окостеневший, замкнувшийся в себя самолюбованием и потому творчески бесплодный.

Все организационные мероприятия по работе с молодыми должны быть в кратчайшее время проведены в жизнь. Но организационные мероприятия еще не решают дела. Общими усилиями всей писательской общественности должна быть создана такая обстановка, в которой начинающий литератор ощущал бы себя не докучным и непрошеным чужаком, а молодым другом, которому суждено принять в свои руки священное дело советской литературы.

Детская литература прошлых веков

Библиотекари насчитывают свыше полутора тысяч детских книг, издававшихся в России, начиная с XVIII века. Изучая это интересное и разоблаченное литературное наследие, научные работники кафедры детской литературы московского Библиотечного института решили подготовить к изданию «Хрестоматию по детской литературе». Первый том «Хрестоматии» уже вышел в Училище. Он включает наиболее характерные образцы произведений, входящих в круг детского чтения в России XVII, XVIII и начала XIX веков.

Надлежащая комиссия по детской литературе ССП СССР поставила на обсуждение писателей, редакторов, историков литературы и библиотечников эту книгу. Появление такой хрестоматии, как отмечала вышестоящая с критическим обзором книги А. Покровская, исключительно ценно главным образом потому, что она кладет начало работы по созданию истории детской литературы, показывая ее корни. На обсуждении «Хрестоматии» были затронуты многие спорные, но вместе с тем насущные вопросы истории развития детской книги.

А. Покровская и выступившие в предисловии О. Алексеева, А. Бабушкина, Е. Шабал, М. Коган, Н. Чехов и другие отметили ряд существенных недостатков первого тома «Хрестоматии»: эта книга неадекватно показывает те этапы, через которые прошла в своем развитии детская литература, влияние на детскую книгу педагогика и т. д. Все выступавшие возражали против отсутствия документальных материалов, — в книге нет ни алфавитного указателя, ни ссылки на источники, ни года появления произведений.

Александр ЯШИН

Чкалов

На легкой захолустной площадке

Узнавали его по посадке:

Сколько он по Союзу летал,

Сколько на небе дым закатал,

Сколько летчиков нашей страны

С ним взяли бы лететь до луны

Зверюлами с далекой Чукотки

Узнавали его по походке:

Вот бы с кем поработать в лесу —

Нож — за пояс,

Ружье — на весу;

Он не даст косачу улететь,

От него не спасется медведь.

Узнавали друзья по ухватке,

По веселой пылкой поглядке.

По тому, как он шлем надевал,

Проверял перед взлетом штурвал,

И подолгу лежал в траве,

Чтоб его отыскать в синеве.

Вся земля любовалась при встрече

На широкие волжские плечи.

За границы неслась,

За моря

Басовитая речь волгара.

Узнавал его русский народ,

Как отец сыновей узнает.

1940 г.

Во второй годовщине со дня смерти В. П. Чкалова в Горьком будет установлен памятник великому летчику нашего времени по проекту скульптора И. А. Менделевича. На снимке: бронзовая фигура В. П. Чкалова. Фото А. Межуева (ТАСС).

КНИГИ БУДУЩЕГО ГОДА

ПЛАН ДЕТИЗДАТА

Детиздат ЦК ВЛКСМ предполагает выпустить в 1941 г. 457 книг общим тиражом около 40 млн экз. В большинстве — это новые произведения советских авторов или же новые переводы и пересказы (264 книги).

Для детей всех возрастов подготовлены к печати биографии руководителей партии и правительства и героев народа. Столькими тиражами выйдут рассказы о Ленине А. Кононова, М. Зощенко, Н. Веретинникова, Крупской и Джерманетто, рассказы о Сталине — Байдукова, Пананина и других знатных людей. «Юность Ленина» А. Гринберг и «Детство вождя» Г. Леонидов в авторизованном переводе с грузинского Н. Тихонова. В этой серии выйдут также рассказы о Ворошилове, Дзержинском, Кирове, Свердловском, Орджоникидзе, Куйбышеве, две книги о Фрунзе. Готовятся биографии Тимошенко, Буденного, Чкалова, Смолкина, Пананина, Громова и других.

Две трети всего тиража составят книги для дошкольников и детей младшего возраста. Почти у всех детских писателей выйдут новые книжки. У С. Маршакки четыре: «Хороший день», «Фомка», «Раз, два, три, четыре» и сказка «Теремок» (в серии «Книга за книгой» подготовлен сборник его стихов о школьниках); у С. Михалкова — «Моя улица» и «Цирк»; у А. Барто — «Ухали», «Стихи о школьниках» и «Песенки» (в серии «Книжка-малышка»); у З. Александровой — сборник стихов о детском саду — «У нас в саду» и «Полетные цветы» (текст к рисункам художника Грозовского); две сказки у В. Катаева — «Ветви-самолеты» и «Кувшинчик и лудочка» и т. д.

Новые книги для дошкольников напишут: Л. Квитко — «Здравствуйте!», «Неудачник Лемель», «Про коня» (выйдет в серии «Книжка-малышка»); Е. Благунина — «Улыбка» (стихи об узбекской девочке); В. Смирнова — повесть «Девочки»; М. Слонимская — «Ночной алфавит» (об одной эпизод из войны с белофиннами); В. Бианки — «Маленькие рассказы» (в серии «Познавательные книжки»). Для детей дошкольного возраста подготовлена маленькая ботаническая энциклопедия «Растет, цветет, зреет», новые сборники стихов Р. Вазумова (перевод с еврейского В. Инбер), И. Нехом (перевод с украинского), Е. Тарасовской — «Звезда в траве» и др. В серии «Маленькая библиотека» выйдут новая книжка рассказов А. Гайдара.

Школьники младших классов получат 42 новых книжки, среди них: школьная повесть Могилевской «Первоклассники», М. Слонимская «Лесник», С. Григорьевна «Малая курган» (из жизни морского флота), рассказ о школе Л. Кассия «Тень серой собаки», рассказы К. Паустовского, В. Бианки «Оранжевое горлышко», Ф. Фина и В. Ходакова «Боевые дни». Книгу для чтения «12 месяцев» составили Габбе и Любарская (под редакцией С. Маршак), готовится «Книга пионера», сборник букварных, адыгейских, литовских, латышских и эстонских сказок и сборник «Забавные сказки народов СССР».

В серии «Маленькая историческая библиотека» включены не издававшиеся ранее книги: Н. Дмитриева «Народные герои», Б. Казанского «Семь чудес древнего мира», Л. Рубинштейна «Восстание силанов» и ряд других.

В четырех разделах плана для младших и старших возрастов включены повести и рассказы Ванды Васильевской. В

серии биографических книг выйдут автобиографические очерки Ванды Васильевской.

Помимо беллетристики, осязающей условия труда в СССР и при капитализме (повесть В. Воеводина и Е. Рыса «Народ», В. Сафорова об академике Лысенко и др.), по указанию ЦК ВЛКСМ Детиздат готовит серию «Мастер на все руки», в которую войдут книги, знакомящие детей с различными ремеслами и техникой.

Значительно расширен раздел оборонной и военно-технической литературы. Намечены к выпуску 12 новых книг — повести и рассказы о Красной Армии и Военно-Морском флоте. Кроме того, будет издана маленькая военная энциклопедия, составленная для детей полковником Н. Никифоровым и писателем Л. Савельевым, «Книга юного разведчика», военные игры, рассказы о танках, артиллерии и военных кораблях.

Попрежнему еще очень мало новых произведений о школе и быте советских детей для старшеклассников. Их всего четыре: А. Гайлар — «Тимур и его команда», И. Васнецов — «Водяная шаптулка», Ф. Кандыба — «Сестры Горюхи» и Л. Касиль — «Великое противостояние». В этот раздел вошли переводы рассказов с латышского Судрабу Олжус и Л. Паэля «Дети труда», с литовского П. Цирки «Сахарные янтаря», с армянского С. Зорьян «История одной жизни», сборник рассказов В. Васильевской и Л. Касилья.

В серии исторических романов и повестей выйдут «Паутина» М. Алтайевой, «1812 год» С. Григорьевой и др. Предполагается издать несколько интересных сборников поэзии и прозы для старших школьников — «Чтец-декламатор» под редакцией К. Чуковского, «Стихи и песни советских школьников», избранные рассказы и стихи литовских писателей (составитель П. Цирка), второй том сборника рассказов национальных писателей. Отдельной книжкой выйдут сборник «Детское творчество».

В прошлом году не вышло ни одного научно-фантастического романа. В новый план включено шесть книг (из них две новые) — «Генератор чудес» Ю. Довгунина и «Плывающий остров» А. Казанцева. Но они лишь в очень малой мере смогут удовлетворить потребность в этом литературном жанре.

В обработке для детей издаются «Джандар», «Фархад и Ширин» Навои, «Александр нам» Низами, эстонский эпос «Калевипоэг» и переводы книг современных национальных писателей. Впервые появятся избранные произведения Ивана Франко, Леса Украинки, М. Коцюбинского, О. Туманяна.

В серии русской и иностранной классики выйдут одноязычные Чехова (с рисунками Куркунников), Жуковского, Л. Толстого, Байрона и Шиллера, заканчивается четырехтомник Шекспира и выйдут три тома (3, 4 и 5) десятилетнего издания Дикенса. К юбилею М. Лермонтова готовится массовое издание его избранных произведений.

Советские школьники получат давно не появлявшиеся книги — «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Серебряные коньки» Мари Долж, «Приключения Шерлока Холмса» Конан Дойла, «Рейнеке Лис» Гете. Все они и многие другие включены в план 1941 г. (часть в новых переводах). Не вошли же в план наиболее интересные рукописи молодых авторов выйдут в двух альманахах (для младшего и старшего возраста).

ПЛАН ОЙРОТСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ОЙРОТ-ТУРА. (Наш корр.). На последнем литературном декаднике авторский актив города обсудил план областного национального издательства на 1941 год.

В будущем году ойротский народ получит на родном языке «Детство» Горького, «Как один мужик двух генералов прокормил» Шергина, «Почь перед рождением» Гоголя и стихи Некрасова. В детской серии выйдут «Робинзон Крузо» Дефо, «Встречи с товарищем Сталиным»

Байдукова, «Детские и школьные годы Ильича» Ульяновой, «Что такое хорошо и что такое плохо» Маяковского.

Большое внимание в плане уделено местным авторам. Решено издать сборник новых рассказов и стихотворений, а также сборник одачных пьес Павла Кучука, «Сборник новых сказок сказителя ориенчонца Николая Улагаева, первый ойротский альманах, книгу очерков о знатных людях области.

За неделю

ЧЕСТВОВАНИЕ ЯНКИ КУПАЛЫ

МИНСК. (От наш. корр.). Общественность Советской Белоруссии торжественно отметила юбилей — 35-летие литературной деятельности народного поэта Белоруссии Янки Купалы.

В Минске состоялся вечер, посвященный юбилею, в котором приняли участие прибывшие писатели братской Литвы — Антона Венцлова и Петрас Цвирка, московские поэты — С. Городецкий и А. Сурков, писатели западных областей БССР — Ф. Пестрак, М. Танк, Д. Сфанл, Ш. Берлинский, И. Рубинштейн, а также литераторы, работники искусств, представители предприятий, учреждений, учебных заведений Минска.

Доклад о творческом пути Янки Купалы сделал на вечере акад. С. И. Вольфсон. Юбилея приветствовали секретарь ЦК КП(б)Б т. Малин, зам. председателя СНК БССР т. Валеев, а также гг. А. Венцлова, А. Сурков, С. Городецкий, Т. Масенко (Украина), Ф. Пестрак и другие.

На имя юбиляра поступили многочисленные телеграммы от писательских организаций братских республик, учреждений и отдельных лиц.

В крупнейших областных центрах республики проводятся литературные вечера, посвященные юбилею Янки Купалы. Большой литературный вечер организуется в Лиге — городе, трудящиеся которого избрали Янку Купалу депутатом в Верховный Совет БССР.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ФОЛЬКЛОРУ

9—11 декабря в Москве состоялось первое всесоюзное совещание по фольклору, организованное Домом народного творчества имени Крупской.

Из мастеров народного творчества присутствовали: азербайджанский ашуг Мирза, кобзарь Украины Наво Пасач, Иван Иванченко и Е. Адамцевич, сказительница М. Годубкова и А. Галдуборова.

Большой интерес представляли сообщения с мест. Д. Косарик рассказал о борьбе украинского Института фольклора Академии наук УССР за возрождение древнего искусства кобзарей. С большим подъемом говорил т. Джангиров о работе 580 азербайджанских ашугов в самой южной части нашей страны. Непрерывную заботу о культурно-политическом росте своих сказителей проявляет Институт культуры Караело-Финской ССР. Картину подвига народного творчества дополнили сообщения фольклористов Абхазии, Сибиря, Дальнего Востока, Марийской области и др.

В центре внимания стоял вопрос об оказании творческой помощи сказителям и народным певцам. Опытом в этом направлении поделились Эффелин Каплев и Виктор Попов, сотрудничавшие — первый с Судейманом Стальским и второй с М. Крюковой. Подробно рассказали о своей совместной работе со сказителями фольклористы гг. Леонтьев, Борозина и Кострова.

Заглянув в профессиональную лабораторию фольклористов, совещание взглядами убедилось, что их вмешательство передка направляется против своеобразных особенностей народной поэзии, что они иногда татам пазад сказителя, побуждая его архаизировать нашу действительность, и т. д. Произведения сказителей, сказочники и народных певцов часто уродуются также редакторами издательства. Но самый большой бич фольклора — это фальсификаторы народного творчества.

Борьба против фальсификаторов п. с другой стороны, против отщипания фольклора была посвящена речь академика Ю. М. Соколова.

С. И.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ОПЕРЫ

Только незначительная часть опер, идущих на советской сцене, посвящена темам нашей действительности. Основные пороки, от которых страдают произведения большинства советских оперных композиторов, — отсутствие полноценных музыкальных образов, подмена полноты героики барабанным грохотом, а лирики — музыкальным ширпотроном, бедность мелодики и зачастую отсутствие единой музыкальной идеи. Об этом говорил председатель Комитета по делам искусств т. М. Храпченко, открывая Всесоюзную оперную конференцию.

Он призвал к тесному сотрудничеству либреттиста с оперным композитором, причем в этой совместной работе первое и решающее слово должно всегда принадлежать композитору. И театры не должны дожидаться, пока мастера принесут им готовые произведения для включения в репертуар, а должны работать над операми совместно с композиторами.

Касаясь проблемы народности и новаторства, т. Храпченко указал на неоправданное понятие народности от высокого качества художественного произведения. Внутренняя сложность и богатство содержания должны быть всегда облечены в простую и понятную пароду форму. Работа над совершенствованием мастерства, советские композиторы не должны прерывать свои опыты над новыми формами в самоопыте, всегда помня об основных идейных задачах социалистического искусства.

С приветственным словом выступили народные артисты СССР Р. Глар и В. Барова и украинский композитор Давиденко.

Работы конференции продлятся до 19 декабря. Ц. П.

АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия армянского народа давно завоевала сердца русских читателей. Этому особенно способствовали Горький и Брюсов. Об этом говорил, открывая вечер армянской поэзии в клубе писателей, поэт П. Антокольский.

На столе президиума — новая книга «Антология армянской поэзии». Этой книге, в которой собраны лучшие образцы поэзии армянского народа, навсего пропитанной духом борьбы против угнетателей, любовью к свободе и труду, был посвящен доклад В. Кирпогина.

Охарактеризовав народный армянский эпос, докладчик говорил затем о средневековой лирике Фрика, Ерыканши и Пагана, в чье творчество сквозит первоконное мировоззрение проникли светские мотивы, социальные и политические темы; о любовных стихах Гулжуранна и Кучака, песнях великого Саят-Нови и, наконец, поэзии ашугов.

Особую интересной была та часть доклада, где В. Кирпогин осветил творчество поэтов XIX и начала XX вв., в том числе О. Туманяна и А. Исаакяна. Заключительная часть доклада была посвящена советской поэзии.

АНТОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

10 декабря на заседании бюро национальных комиссий обсуждался вопрос об антологии таджикской литературы, которая должна быть издана в 1941 году. С сообщением выступила А. Адалис.

Опыт работы над составлением сборника таджикской литературы, — сказала А. Адалис, — должен быть проанализирован и учтен при составлении полной антологии. Сборник этот, содержащий 30 печатных листов, уже дан в печать и через месяц выйдет в свет. В него включены 4500 стихотворных строк, переведенных М. Лозинским, А. Адалис, Н. Корчагиним, Л. Озеровым и др., пять печатных листов прозы, восемь историко-критических статей и, в виде приложения, фольклорный раздел. Особую трудность в работе над сборником представляли два момента: принцип составления антологии и размежевание иранской литературы от ирано-таджикской.

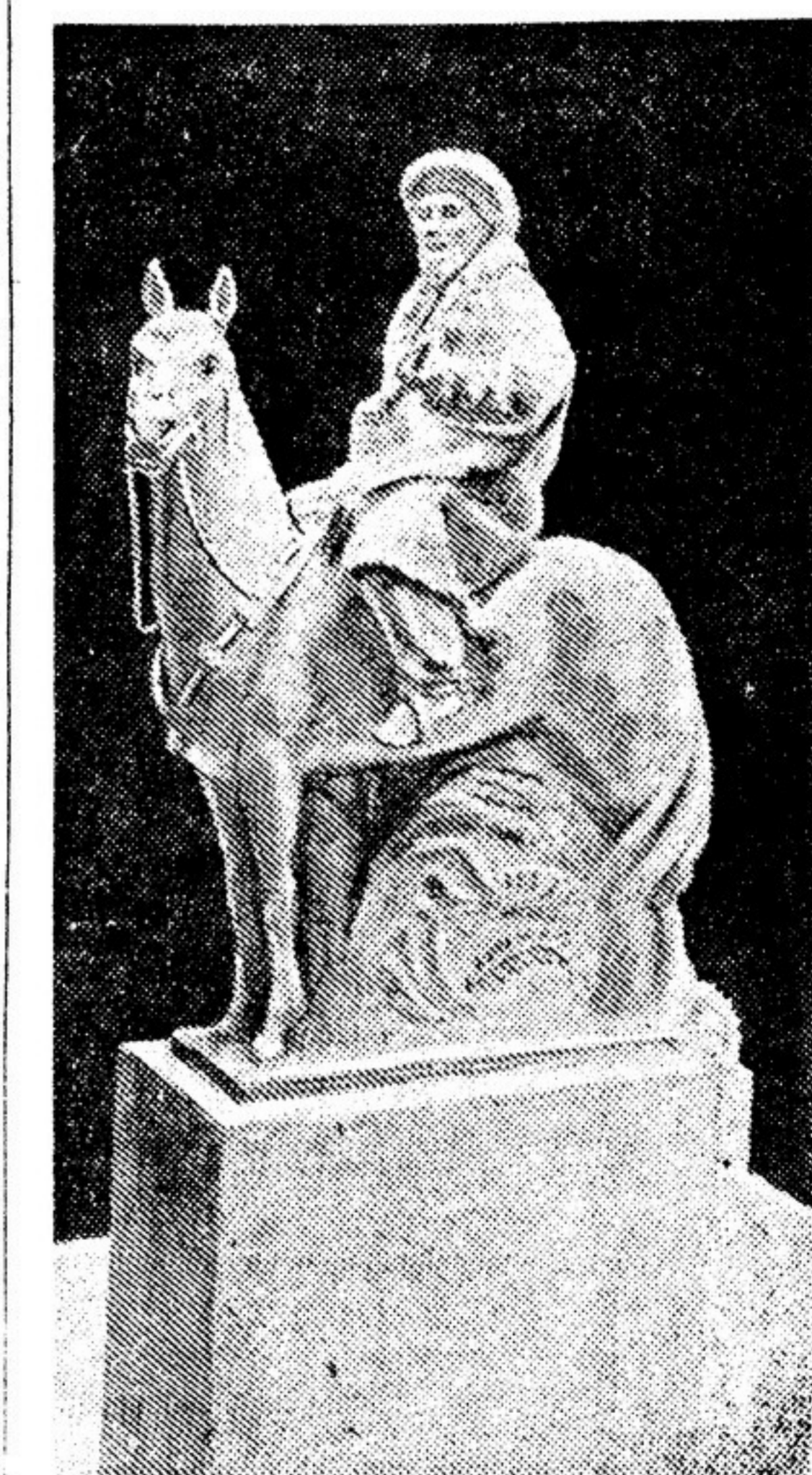
Составители сборника придерживались принципа, по которому построена таджикская антология. Для более легкого восприятия литературных образцов в сборник включен сравнительно большой фольклорный материал, характеризующий быт, историю народа, историю его культуры и биографию литературных деятелей.

Этот принцип не встретил возражений со стороны выступавших товарищей. Вышедшие в свет антология до сих пор заметно отличалась друг от друга характером построения. Между тем все антологии должны служить как бы разделами единой антологии большой советской литературы. И, конечно, важно же словесно разработать единый метод работы над ними, единый принцип их составления.

О сложности размежевания литературного наследия говорили также С. Мстиславский, Г. Лажути и К. Зелинский. — С каждым днем мы убеждаемся, — сказал П. Скосырев, — что при более глубоком изучении литературы братских народов, при более основательных попытках популяризовать ее и перевести, мы встречаем все больше проблем сложных и трудных, нуждающихся в разрешении. Эти проблемы — общие для всех литератур. И их нужно разрешать коллективно. Хорошо бы по таким вопросам устроить дискуссии. Я думаю, что она принесет большие плоды.

После доклада П. Слетова, подчеркнувшего необходимость творческой помощи со стороны русских писателей в подготовке декады таджикского искусства, а также в подготовке сцены таджикских писателей, который состоится весной, бюро постановило послать в Таджикистан на два-три месяца группу писателей.

На этом же заседании с информацией о работе, проведенной группой писателей, выезжавшей в Киргизию на юбилей Токтогула, выступил М. Колосов.

Проект памятника знаменитому киргизскому акыну Токтогулу Сатыгалеву. Автор проекта — скульптор О. Мануйлова. Фото А. Бахвалова. (ТАСС).

ПИСЬМО КАЛМЫЦКОГО НАРОДА СВОЕМУ СТАРШЕМУ БРАТУ—ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

Мир тебе, старший мой брат, очей моих свет!
Благоуханный прими от меня привет!
Праздник сегодня в калмыцкой степи вековой.
Пахнет прохладой дневной, неувядлой-травой.
Меж облаками узорная просинь прошла...
Праздник: моя вадпатая осень пришла!
Много я прожил столетий, счету им нет—
Жизни моей — только двадцать исполнилось лет.
Русский народ! Сколько сил возродил ты живых!
К жизни привел ты всех братьев малых своих.
Славу поют и грузин, и татарин тебе.
Мой избавитель! Калмык благодарен тебе!
Много я прожил столетий, покрыла их мгла —
Песня моя единственная счастьем была!
Кровью людской рехолили родные слова,
Сердце народа, история вся в них жива.
Неиссякаемых песен пеленный ручей!
Через я мужество в нем во мраке ночей.
Песня рт не закрошь, не крикнешь: молчи!
Пели мой джангарчи, мой Йорелчи!
Пели о горькой судьбе, о жестокой борьбе,
О ненавистном яме, ненавистном горбе.
Но из невольничьих освобожденных оков
Матерью нашей — партией большевиков —
Появил я: вольный народ — всегда великан!
Паси свои расправил я, выпрямил стан
И плечу печали сбросил я с глаз.
Новая песня из уст моих полилась.
Песня о солнце свободном, о печном тепле.
Песня о счастье народном, о щедрой земле.
Русский народ! Это ты меня к счастью привел,
Этот под солнцем твоим возмужал я, расцвел.
Вот почему тебе — мой братский привет,
Песня моя залушенная, песня побед!

Вот моя повесть о пройденном трудном пути.
Как рассказать о нем, сильное слово найди!
Об богатырях Калмыц, в первом бою,
Об руку с песней спасал я державу свою.
Ханы из дома Чингиса мне габель несла,
Бился я с ними за честь калмыцкой земли!
Слез нехватает у песни тяжелых годин,
Сил нехватает народу, когда он один.
Вражи войска детей превращали в спрут,
Вражи войска в раба превращали народ —
Враг посягал на свободу калмыцких племен:
Лупей преследовал огненно-жесткий дракон.
Вот мудрецы, на одной из Алтайских вершин,
В полдень собрали женщин, детей и мужчин,
И говорят: покинем высокий Алтай,
Перелетим в далекий таинственный край.
Там — целомудреные травы милых лугов,
Там — государство пирикорыкских ордов.
И начался перелет великий тогда,
Перелетили на Волгу калмыцкие орды.
К русскому брату калмык усталый пришел,
Советили свои грядущие дни,
Стали товарищами и друзьями они.

Вскоре восстал ты, мой брат, на царя и господ.
Русские тронулись реки, — поднялся народ.
Волжская воляница стала бороться тогда
И своего папца полководца тогда.
Храбрых и сильных Разин собрал — на владык!
За великаном русским пошел и калмык.
Помнят у нас атамана больше дела:
Средняя часть ополчения русской была,
Правая часть ополчения калмыцкой была,
Левая часть ополчения башкирской была.
Сказывают: когда Степан воевал, —
Среднему войску по-русски приказ отдавал,
Вправо Степан по-калмыцки приказ отдавал,
Влево Степан по-башкирски приказ отдавал.

Щедрой была, необ'ятной держава ордов,
Сколько морей-океанов, поемных лугов!
Щедрой была, бесконечно большою была,
Но для ордов и для луной — тюрьюю была,
Слезы текли по ней, — тысячи тысяч ручьев,
В пламени высухли их Емельян Пугачев,
В наших кибитках войлочных жил Емельян,
Хлебом ржаным заедал калмыцкий арбан,
И полюбил скакуна калмыцкого бег,
И полюбил калмыцкую сказку навек.
Так написал Пушкин:
«Слушай, — сказал Пугачев... — Расскажу тебе сказку,
которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка.
Юдашки оред спрашивал у ворова: скажи, ворон-птица, отчего
живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего
только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал
ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь
мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться
тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот увидели
наизу дождя; спустились и сели. Ворон стал кивать,
да похваливать. Орел кляузу раз, кляузу другой, махнул
крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет
питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а
там что бог даст! — Какое калмыцкая сказка?»
Мудрая сказка: лучше погибнуть в бою,
Чем превратиться в мертвечину душу свою!
Лучше свой меч омочить однажды в крови,
Чем проливать веками слезы свои!
Лучше однажды, как пламя, сверкнуть на земле,
Нежели годы и годы томиться во мгле!
И поднимались мы против поповоно² своих.
Против бессмысленных, дивных законов их
И повергали мы в трепет ханов и лам,
Так помогали мы, дуня, смелым ордам.

Все богаты между собою друзья,
Ламы³ с попами дружили, с войном — князья.
Или поселили меж племенами вражда,
А беднота с беднотою дружила всегда.
Верили мы, окаяная времена иных:
Мы жалвем, не делая на своих и чужих.
Ханы того не стоят и все их дела,
Чтоб из-за них невинная кровь текла!
Нас послали пари друг на друга в бой,
Но породнились народы между собой.
Русская слава — слово стало мило,
Много делго за Россию моих сыновей.
В битве за родину — битва голами велась —
Удаль калмыка с отвагою русской сызвася.
Воин калмыцкий родные свято служил —
Он под знаменами старшего брата служил!
Помни Полтаву — как будто было вчера:
Били мы шведов пол горлым стогом Петра.
Помни святой всемогущ двенадцатый год,
Землю свою защищал ты, русский народ.
Ты разогнал французов, как мелкую личь,
В сердце калмыка проигре Кутузова смляч.
Помни, когда Париж в удивлении смляч,
Только завидев калмыцкий верблюжий поляч.
Был командиром полка вихоревый Джиргал —
Дрался на славу и славные песни слагал:
«На вершины, пол откоси,
Мой буланый конь, скачи,
Хоть французы длинноносы,
Но длинней у нас мечи!
Разорили край родимый,
Разорили вью Москву.
Вашим коном не дадим мы
Есть калмыцкую траву,
Не дадим врагу махана⁴ —
Даже трубки не дадим,
А быстрее урагана
До Москвы мы летим,
Городских достигнем башен.

¹ Джангарчи и Йорелчи — народные певцы.
² Поповоно — князь.
³ Ламы — буддийский священник.
⁴ Махан — мясное блюдо.

Рассчитаемся с врагом.
Царь французов нам не страшен,
Сорок тысяч перебем!»
*
Старший мой брат! Ты был могуч и велик.
Ярость копил ты под игом подлых владык.
Малый народ, — а чести был и силеи,
Душу мою топтали и царь, и войн.
Нас предавали пытке, мечу и огню,
Был я подобен стреноженному коню.
Был я рабом, но в дырковой юрте своей,
В диком разлоде горько-солёных степей,
В голоде, в холоде, в сырде, в грязи, в нищете
Создал я мир в своей прозорливой мечте.
Создал я «Джангар» — эту хвалебную песнь,
Гордую, звонкую нашу волшебную песнь,
Грезил я в ней о стране счастливых детей,
Грезил я в ней о стране свободных людей:
«Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда — весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,
Где и дождя подобно сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где неизвестна старость, где малы все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна».
Кожя моя мне теплым бешметом была,
Песня — моим единственным светом была.
Врваний бешмет одеждой нарядной мне был,
Джангар-герой надеждой отрадной мне был:
«Мы позабудем рабства мучительный стыд,
— Джангар придет, Джангар освободит».

Если захочет народ, мудрецы говорят,
Он перепрыгнет и через огненный ад.
Не перестанет войн свой народ угнетать,
Но перестанет народ покороно страдать.
Между огнем и войною от века вражда,
— Нищий с богатым непримиримы всегда,
И наступила забывенный семнадцатый год.
Нищий народ пошел на богатых в поход.
Ветер народного гнева сорвался с цепи,
Радостный слух прошел по калмыцкой степи:
«В один из летних жарких дней, подобный жару горя-
щего таволжника, шел по степи русский богатырь, Варуг
слышит от жалобный стон: «Я! Я! Я! звенит польня. Огня-
нулся богатырь — никого. Пошел дальше. Я! Я! Я! зазве-
вел ковыль. Оглянулся богатырь — высохшая равнина кругом,
а вдали — невысокий холм. Подошел к этому холму —
оказался холм головой воина, печально глядела глаза,
подобные зорким глазам кречета. Туловище воина было
вкопано в землю и связано путями из конских волос.
Разрыл богатырь землю, освободил воина от пут, дал
ему испить из фляги воды и спросил: кто ты?
Отвествовал воин: — Я Хонгор, Алай Лев, побратим
Джангара. Враги закопали меня живым в землю, простоял
я так пятьсот лет. Когда на земле загуледа ключ свободы,
пропик он и в подземное ханство. Пробил я своей головой
пропор земли, но сил нехватало, чтобы освободиться от
пут, да ты меня спас.»
Побратился русский богатырь с калмыцким воином:
раззунули они ярок по своим лонам, смешали кровь и ра-
стерли ее на лавине меча, — стали навек побратимами.
Спросил тогда калмык: — Кто ты, мой спаситель?
Отвествовал русский богатырь:
— Я рабочий из далекого города Питера. Послал меня
к тебе Ленин, отец богатырей всего мира, лучший из лю-
дей вселенной. Сказал он мне: «Иди к народу калмыцкому,
поведай ему мое слово». Слушай, мой брат, слово Ленина:
«БРАТЯ КАЛМЫКИ! Все прошлое вашего народа — это
беспредельная цепь страданий... Самодеятельное все время
обращалось с вами, как с рабами. Земли, находящиеся в
вашем пользовании, урезывались. Вам запрещали обучаться,
печатать книги на родном языке...»
БРАТЯ КАЛМЫКИ! СУДЬБА ВАШЕГО НАРОДА В ВА-
ШИХ РУКАХ.

ВСЕ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ. Все против белогвардей-
ских, казачьих банд Деникина. Все на защиту вашей Со-
ветской власти!»
*
Эти слова зазвучали у калмыка в груди.
Знаменем ярким сияли они впереди.
Знаменем красным, как утренний зорья.
Буквы не меркнул, пламенем вечным гора!
Как открывается море глазам степняка!
Так нам открылись в них будущие века!
Как поднимаются дружно травы степей,
Мы поднялись на защиту власти своей.
Сила народов множилась вывес и вширь,
Ибо всегда единение — богатырь.
И подлетели весте дуть и орел,
В бой племена и народы Сталин повел.

Жаркий июль, степной восемнадцатый год,
Вас никогда не забудет калмыцкий народ!
В наших хотонах⁵ рассказывают старики.
Как из Парижана в тихие Зимовники
В полдень сухой, на разведку, по рельсам стальным,
Сталин приехал, а с ним — Ворошилов Бани!
Так увидели калмыки вождя своего,
В нем наша сила, и слава, и торжество!
Мы, как за солнцем, за Сталиным нашим пошли
В бой за Парижана, за волю Советской земли.
«В бой за Парижана!» — гремело в степи, как сигнал.
Всю революцию Сталин обоял!
Вспомнил слова газеты, призыв боевой:
Поднял «Солдат революции» голос живой:
«...Приняли нас в семью труженников и поставили в ряды
Красной Армии и показали нам луч света».
Переводчик при красноармейцах-калмыках Харти
Кануков.
«...Калмыки тихого Дона и вольных Астраханских степей!
Покажите всему трудовому миру, что калмыки не враги
пролетариата, что они тоже граждане и друзья трудящихся».

Боец действующей армии Кирсан Илюмжинов.
«...Знаю, что русский рабочий и беднейшее крестьянство
уже целый год томится в сырых окопах и проливает море
крови ради спасения угнетенного и темного человечества,
мы, калмыки, приветствуем товарищей рабочих и крестьян...
и посылаем материальную поддержку...»
Из резолюции граждан Ставочной слободы, Мало-
Дербетовского улуса, от 17 декабря 1918 года.
Эти слова шли в окопы, к сердцу бойца,
Были они для врага страшнее свинца.
Нет, никогда не забудут эти слова:
В них благородность старшему брату жива.
С честью служили мы в красном войске всегда,
— Братья-народы боролись героически всегда,
— И заплата Парижана от белых врагов
Сталин — мечта и надежда сотен веков!

Партия Ленина преобразила людей.
Партия Ленина — партия богатырей.
Мчались мы в бой по тропам необ'ятных долин.
А впереди — Буденный, степной исполин!
Кони скакали, — дивились их гордой красе,
А впереди — Тимошенко, подобный грозе.
Сталин — мечта и надежда сотен веков —
Вырастал много истинных большевиков.
Он превращал в полководцев простых пастухов,
Был среди них отважный Горюхов!
Некогда — нищий калмык, а теперь генерал,
Сколько врагов он саблей своей покарал!
Как на поля низвергаются дождь и град,
Славный Ока нападая на вражеский сброд.
Он забывал в сражениях слово: назад!
И повторял в сражениях слово: вперед!
Песня, звени о другом народном слуге:
В белом калмыцком селезье Улан-Эрге
Жил неизвестный батрак, украинец простой,
Крепко с калмыцкой сдружился он беднотою.

⁵ Хотон — село.

И батрака вся отчина узнала теперь,
Знают прославленного генерала теперь!
С нами делла Апанасенко бремя невзгод,
Любит его, как сына, калмыцкий народ!
Воля не только мужичина была дорога —
Дочери наши и жены шли на врага.
Помнил немало калмычек — вадздини ляхи,
Первой была Шашукова Нарма среди них.
Если врагам опять недостаток ума —
Сядет опять на коня Шашукова Нарма,
Снежной равниной, узкою горной тропой,
Тысячи ловких наездни веза за собой.

Вот, орошенная кровью богатырей,
Кровью своих сыновей, своих дочерей,
Благоухает Калмыцкая наша страна,
Радугой счастья людского озарена.
Было живительный дождь прошел по земле,
Травы так густы — негде встать на игле!
Поднята наша целинная наша земля,
Закосились тучные наши поля!
Сколько ягнят, жеребят, верблюжат и телят!
Овцы, как белые равнинны, блестят!
Лошади табунами бегут валеке,
Перекликался на древнем своем языке,
Людем не страшны вихор, стонь, холода:
Люди воздвигли в Калмыцкой степи города.
Где ты, жилая белыка, проклятый жлобуж?⁶
Был ты, как жизнь моя, — холоден, темен, угрюм!
Вместе с телеком жил в этом смраке калмык,
И голодать он по целым неделям привык.
Нынче заглянь к чабану Альянову в дом —
Комнаты залиты светом, ковры кругом.
Яркие наволочки глядятся в трюмо,
Звонкое радио распекает само!
Видеешь ты в степь, а в степи теперь не темно:
Светятся избы-читальни, театры, кино,
Электростанции звезды свои зажгли...
Самышши? Поют сыновья свободной земли:
«Небо сверкает горячею синью,
Зеленью яркой оделась курганы,
Крепко запахло душистой помынью,
Красные зреют тыльняны.
Сойки взлетели нестройною цепью,
Жаворонком заливается стая.
Над вековым Калмыцкою степью
Песня звенит молодая.
Ожили в песне суровые годы,
Вихри степные, степные туманы,
Наши сражения, наши походы,
Красные наши тыльняны.
Здесь мы призывный услышали голос —
Ленина голос, навеки родного.
Сталин повел нас — и храбро боролись
Племя Горюховичева.
Кони скакали и в страхе бежали
Белые гады и польские паны.
Красные наши знамена пылали,
Точно родные тыльняны.
Сталин! Испония ты Ленина слово,
Закли жизньию призывной калмыки.
Ты нам дороже всего дорогого,
Сталин, отец наш великий!
Крепись же, песня, на вольном просторе.
Настыбана вторят тебе и поляны,
Лейся, волнуясь, ковыльное море,
Красные наши тыльняны».

Преобразилась калмыцкая степь. Никогда в ней даже не
слыхали о миллионерах, а теперь живут в ней десятки
колхозов-миллионеров. Огромный комбинат превращает пу-
*
«Джолум — кибитка бедняка.
Время заметить нового талантливого
человека, окружить его вниманием, со-
здая вокруг молодого писателя атмосферу
заинтересованной, товарищеской, но вместе
с тем абсолютно честной и, если надо,
суровой критики; воспитывать молодого
литератора политически, идейно — это
является одной из важнейших задач пи-
сательских организаций, и в первую оче-
редь — Союза советских писателей СССР.
Обсуждение форм работы с литературной
молодежью было посвящено, как известно,
состоявшемуся в июне прошлого года совме-
стного совещания Бюро ЦК ВЛКСМ и
президиума ССП.
Совещание констатировало, что богате-
ешие возможности, предоставленные совет-
ской молодежи для проявления и разви-
тия ее художественных дарований, до сих
пор используются недостаточно. Работа по
воспитанию молодых писателей отстает от
требований, предъявляемых страной к со-
ветской литературе.
В прошедшем году в нашей литературе
появились новые талантливые имена. Со
своими первыми книгами выступили
И. Егоров, А. Ковачинский, В. Авдеев,
М. Бельшакон. На состоявшихся за по-
следнее время заседаниях редакционного
совета издательства «Советский писатель»
были обсуждены и приняты к изданию в
1941 году произведения авторов, еще не
известных читателю. Отсюда отметить, что
в план издания эти произведения вклю-
чены в результате серьезной творческой
помощи их авторам со стороны ряда из-
вестных наших литераторов. В Гераси-
мова больше года работает с писательней-
цей С. Реанин и в настоящее время ре-
дактирует ее роман «Утро» и повесть
И. Амурского «Матрос Железняков».
Г. Штром работает с автором повести
«Ярмарка» Б. Ямольского, Я. Рыкачев —
с автором романа «Город медя» А. Ильи-
на. Ряд молодых авторов группируется
вокруг сборника «Звено».
Плодотворность сотрудничества более опы-
тных литераторов с начинающими видна и
на примере воронежского отделения ССП.
Писатели М. Сергеево, М. Булавин, дру-
гие Е. Трофименко, Н. Романовский и дру-
гие по несколько лет работают с само-
дельными поэтами и прозаиками Шульценым,
Кожуховой, Гусевым, Волоховым, Ющенко,
первые книжки которых сейчас подготов-
лены к печати.
Курсе-конференции писателей, живу-
щих в областях, проходящие периодически
в ССП, знакомят литературную об-
щественность не только с произведениями
уже известных литераторов, но и с но-
выми именами. Областные комиссии со-
зда, став на правильный путь творческой
помощи писателям, выносят на суд мо-
сковской литературной общественности ру-
кописи еще совсем молодых авторов. Так,
на последних курсах-конференции участ-
ники ее с интересом ознакомились с пер-
вым романом «Раздумье» ульяновского пи-
сателя Коновалова, со стихами В. Завал-
ворова, В. Лижур, не вышедших пока
еще ни одной своей книжки.
Однако все сказанное выше, к сожа-
лению, не опровергает того факта, что са-
мостоятельная работа с литературной мо-
лодежью еще и сейчас крайне слаба.
Результатом совещания в ЦК комсомо-
ла является известное постановление Бюро
ЦК ВЛКСМ и президиума ССП «О рабо-
те с молодыми писателями».

Как же выполняется постановление ССП и
его органы те пункты этого постановле-
ния, которые имеют прямое отношение к
литературным организациям?
Постановление обязывало главноде-
*
Время заметить нового талантливого
человека, окружить его вниманием, со-
здая вокруг молодого писателя атмосферу
заинтересованной, товарищеской, но вместе
с тем абсолютно честной и, если надо,
суровой критики; воспитывать молодого
литератора политически, идейно — это
является одной из важнейших задач пи-
сательских организаций, и в первую оче-
редь — Союза советских писателей СССР.
Обсуждение форм работы с литературной
молодежью было посвящено, как известно,
состоявшемуся в июне прошлого года совме-
стного совещания Бюро ЦК ВЛКСМ и
президиума ССП.
Совещание констатировало, что богате-
ешие возможности, предоставленные совет-
ской молодежи для проявления и разви-
тия ее художественных дарований, до сих
пор используются недостаточно. Работа по
воспитанию молодых писателей отстает от
требований, предъявляемых страной к со-
ветской литературе.
В прошедшем году в нашей литературе
появились новые талантливые имена. Со
своими первыми книгами выступили
И. Егоров, А. Ковачинский, В. Авдеев,
М. Бельшакон. На состоявшихся за по-
следнее время заседаниях редакционного
совета издательства «Советский писатель»
были обсуждены и приняты к изданию в
1941 году произведения авторов, еще не
известных читателю. Отсюда отметить, что
в план издания эти произведения вклю-
чены в результате серьезной творческой
помощи их авторам со стороны ряда из-
вестных наших литераторов. В Гераси-
мова больше года работает с писательней-
цей С. Реанин и в настоящее время ре-
дактирует ее роман «Утро» и повесть
И. Амурского «Матрос Железняков».
Г. Штром работает с автором повести
«Ярмарка» Б. Ямольского, Я. Рыкачев —
с автором романа «Город медя» А. Ильи-
на. Ряд молодых авторов группируется
вокруг сборника «Звено».

Спустя полтора года...

В. БОРИСОВ, М. МИШИН

мание обратиться на повышение идейно-по-
литического, культурного и общеобразо-
вательного уровня молодых литераторов и
считало необходимым для этого организа-
цию помощи им в овладении марксистско-
ленинской теорией, а также проведение
лекций, докладов по вопросам современ-
ной науки, истории и теории литературы,
языковедения и т. д.
Как было сказано в постановлении, пра-
вление ССП должно было немедленно
принять к созданию трудов и составле-
нию обзоров статей по вопросам теории
литературы, языка, поэзии, драмы и
прозы.
Прошло полтора года. Пора бы подвести
первые итоги работы в этой области. Но
к сожалению, подытоживать нечего. Ни
одной лекции, ни одного доклада для мо-
лодых союз не организован. Существую-
щий уже 2 месяца при Московском клубе
писателей филиал университета марксист-
ско-ленинская имеет в числе своих слу-
шателей и ряд молодых московских ли-
тераторов. Это, разумеется, хорошо. Но,
во-первых, это лишь незначительная часть
молодых писателей, причем большинство из
них не начинающие, во-вторых, фи-
лиал университета существует лишь в
столице и Ленинграде. Поэтому пробле-
ма лекционной работы среди молодых,
особенно вне Москвы, остается нерешен-
ной.
На-днях Московский клуб писателей ор-
ганизовал, впервые за время своего су-
ществования, вечер дебатов в ли-
тературе и музыке. Подобные вечера нуж-
но устраивать чаще. Но они не должны
носить лишь развлекательский характер,
как это произошло в данном случае. Чи-
тавшим свои стихи А. Филлиппу, М. Лу-
конову, М. Кульчицкому и другим при-
сутствующим, которым щедро награждали их
аудитория. А выступающим справедливо
хотелось в первую очередь услышать кри-
тическое слово о прочитанных ими сти-
хах. Нужны вечера с серьезным обсужде-
нием творчества молодого писателя в це-
лом, либо отдельного его нового произ-
ведения.
Огромная польза именно таких обсужде-
ний видна на примере работы областных
комиссий.
Составление остро необходимых мо-
лодым литераторам обзоров статей, по-
священных технологии писательского ма-
стерства, к которому должен был немед-
ленно приступить Союз писателей, даже
не начато.
Одно из действительных средств вос-
питания молодого — это критический раз-
бор их творческой работы. В этом отноше-
нии трудно переоценить роль литературно-
художественных журналов. Мы просмотри-
ли почти годовой комплект таких журна-
лов, как «Знамя», «Красная новь», «Новый
мир», «Молодая гвардия», «Литературный
критик», «Ленинградский» — «Звезда», «Ли-
тературный современник», нескольких об-
ластных альманахов.
Некоторые журналы оказались поразит-
ельно равнодушны к молодым литерато-
рам. «Литературный критик», например,
за весь 1940 год дал одну статью Н. Че-
туговой о В. Авдееве, и одну рецензию
В. Ожнева на книжку стихов С. Остро-
вова. Еще хуже в журнале «Знамя», вы-
шедшем в 1939 г. не было ни одного вы-
*
мание обратиться на повышение идейно-по-
литического, культурного и общеобразо-
вательного уровня молодых литераторов и
считало необходимым для этого организа-
цию помощи им в овладении марксистско-
ленинской теорией, а также проведение
лекций, докладов по вопросам современ-
ной науки, истории и теории литературы,
языковедения и т. д.
Как было сказано в постановлении, пра-
вление ССП должно было немедленно
принять к созданию трудов и составле-
нию обзоров статей по вопросам теории
литературы, языка, поэзии, драмы и
прозы.
Прошло полтора года. Пора бы подвести
первые итоги работы в этой области. Но
к сожалению, подытоживать нечего. Ни
одной лекции, ни одного доклада для мо-
лодых союз не организован. Существую-
щий уже 2 месяца при Московском клубе
писателей филиал университета марксист-
ско-ленинская имеет в числе своих слу-
шателей и ряд молодых московских ли-
тераторов. Это, разумеется, хорошо. Но,
во-первых, это лишь незначительная часть
молодых писателей, причем большинство из
них не начинающие, во-вторых, фи-
лиал университета существует лишь в
столице и Ленинграде. Поэтому пробле-
ма лекционной работы среди молодых,
особенно вне Москвы, остается нерешен-
ной.
На-днях Московский клуб писателей ор-
ганизовал, впервые за время своего су-
ществования, вечер дебатов в ли-
тературе и музыке. Подобные вечера нуж-
но устраивать чаще. Но они не должны
носить лишь развлекательский характер,
как это произошло в данном случае. Чи-
тавшим свои стихи А. Филлиппу, М. Лу-
конову, М. Кульчицкому и другим при-
сутствующим, которым щедро награждали их
аудитория. А выступающим справедливо
хотелось в первую очередь услышать кри-
тическое слово о прочитанных ими сти-
хах. Нужны вечера с серьезным обсужде-
нием творчества молодого писателя в це-
лом, либо отдельного его нового произ-
ведения.
Огромная польза именно таких обсужде-
ний видна на примере работы областных
комиссий.
Составление остро необходимых мо-
лодым литераторам обзоров статей, по-
священных технологии писательского ма-
стерства, к которому должен был немед-
ленно приступить Союз писателей, даже
не начато.
Одно из действительных средств вос-
питания молодого — это критический раз-
бор их творческой работы. В этом отноше-
нии трудно переоценить роль литературно-
художественных журналов. Мы просмотри-
ли почти годовой комплект таких журна-
лов, как «Знамя», «Красная новь», «Новый
мир», «Молодая гвардия», «Литературный
критик», «Ленинградский» — «Звезда», «Ли-
тературный современник», нескольких об-
ластных альманахов.
Некоторые журналы оказались поразит-
ельно равнодушны к молодым литерато-
рам. «Литературный критик», например,
за весь 1940 год дал одну статью Н. Че-
туговой о В. Авдееве, и одну рецензию
В. Ожнева на книжку стихов С. Остро-
вова. Еще хуже в журнале «Знамя», вы-
шедшем в 1939 г. не было ни одного вы-

человек, окружить его вниманием, со-
здая вокруг молодого писателя атмосферу
заинтересованной, товарищеской, но вместе
с тем абсолютно честной и, если надо,
суровой критики; воспитывать молодого
литератора политически, идейно — это
является одной из важнейших задач пи-
сательских организаций, и в первую оче-
редь — Союза советских писателей СССР.
Обсуждение форм работы с литературной
молодежью было посвящено, как известно,
состоявшемуся в июне прошлого года совме-
стного совещания Бюро ЦК ВЛКСМ и
президиума ССП.
Совещание констатировало, что богате-
ешие возможности, предоставленные совет-
ской молодежи для проявления и разви-
тия ее художественных дарований, до сих
пор используются недостаточно. Работа по
воспитанию молодых писателей отстает от
требований, предъявляемых страной к со-
ветской литературе.
В прошедшем году в нашей литературе
появились новые талантливые имена. Со
своими первыми книгами выступили
И. Егоров, А. Ковачинский, В. Авдеев,
М. Бельшакон. На состоявшихся за по-
следнее время заседаниях редакционного
совета издательства «Советский писатель»
были обсуждены и приняты к изданию в
1941 году произведения авторов, еще не
известных читателю. Отсюда отметить, что
в план издания эти произведения вклю-
чены в результате серьезной творческой
помощи их авторам со стороны ряда из-
вестных наших литераторов. В Гераси-
мова больше года работает с писательней-
цей С. Реанин и в настоящее время ре-
дактирует ее роман «Утро» и повесть
И. Амурского «Матрос Железняков».
Г. Штром работает с автором повести
«Ярмарка» Б. Ямольского, Я. Рыкачев —
с автором романа «Город медя» А. Ильи-
на. Ряд молодых авторов группируется
вокруг сборника «Звено».

Вот, орошенная кровью богатырей,
Кровью своих сыновей, своих дочерей,
Благоухает Калмыцкая наша страна,
Радугой счастья людского озарена.
Было живительный дождь прошел по земле,
Травы так густы — негде встать на игле!
Поднята наша целинная наша земля,
Закосились тучные наши поля!
Сколько ягнят, жеребят, верблюжат и телят!
Овцы, как белые равнинны, блестят!
Лошади табунами бегут валеке,
Перекликался на древнем своем языке,
Людем не страшны вихор, стонь, холода:
Люди воздвигли в Калмыцкой степи города.
Где ты, жилая белыка, проклятый жлобуж?⁶
Был ты, как жизнь моя, — холоден, темен, угрюм!
Вместе с телеком жил в этом смраке калмык,
И голодать он по целым неделям привык.
Нынче заглянь к чабану Альянову в дом —
Комнаты залиты светом, ковры кругом.
Яркие наволочки глядятся в трюмо,
Звонкое радио распекает само!
Видеешь ты в степь, а в степи теперь не темно:
Светятся избы-читальни, театры, кино,
Электростанции звезды свои зажгли...
Самышши? Поют сыновья свободной земли:
«Небо сверкает горячею синью,
Зеленью яркой оделась курганы,
Крепко запахло душистой помынью,
Красные зреют тыльняны.
Сойки взлетели нестройною цепью,
Жаворонком заливается стая.
Над вековым Калмыцкою степью
Песня звенит молодая.
Ожили в песне суровые годы,
Вихри степные, степные туманы,
Наши сражения, наши походы,
Красные наши тыльняны.
Здесь мы призывный услышали голос —
Ленина голос, навеки родного.
Сталин повел нас — и храбро боролись
Племя Горюховичева.
Кони скакали и в страхе бежали
Белые гады и польские паны.
Красные наши знамена пылали,
Точно родные тыльняны.
Сталин! Испония ты Ленина слово,
Закли жизньию призывной калмыки.
Ты нам дороже всего дорогого,
Сталин, отец наш великий!
Крепись же, песня, на вольном просторе.
Настыбана вторят тебе и поляны,
Лейся, волнуясь, ковыльное море,
Красные наши тыльняны».

Преобразилась калмыцкая степь. Никогда в ней даже не
слыхали о миллионерах, а теперь живут в ней десятки
колхозов-миллионеров. Огромный комбинат превращает пу-
*
«Джолум — кибитка бедняка.
Время заметить нового талантливого
человека, окружить его вниманием, со-
здая вокруг молодого писателя атмосферу
заинтересованной, товарищеской, но вместе
с тем абсолютно честной и, если надо,
суровой критики; воспитывать молодого
литератора политически, идейно — это
является одной из важнейших задач пи-
сательских организаций, и в первую оче-
редь — Союза советских писателей СССР.
Обсуждение форм работы с литературной
молодежью было посвящено, как известно,
состоявшемуся в июне прошлого года совме-
стного совещания Бюро ЦК ВЛКСМ и
президиума ССП.
Совещание констатировало, что богате-
ешие возможности, предоставленные совет-
ской молодежи для проявления и разви-
тия ее художественных дарований, до сих
пор используются недостаточно. Работа по
воспитанию молодых писателей отстает от
требований, предъявляемых страной к со-
ветской литературе.
В прошедшем году в нашей литературе
появились новые талантливые имена. Со
своими первыми книгами выступили
И. Егоров, А. Ковачинский, В. Авдеев,
М. Бельшакон. На состоявшихся за по-
следнее время заседаниях редакционного
совета издательства «Советский писатель»
были обсуждены и приняты к изданию в
1941 году произведения авторов, еще не
известных читателю. Отсюда отметить, что
в план издания эти произведения вклю-
чены в результате серьезной творческой
помощи их авторам со стороны ряда из-
вестных наших литераторов. В Гераси-
мова больше года работает с писательней-
цей С. Реанин и в настоящее время ре-
дактирует ее роман «Утро» и повесть
И. Амурского «Матрос Железняков».
Г. Штром работает с автором повести
«Ярмарка» Б. Ямольского, Я. Рыкачев —
с автором романа «Город медя» А. Ильи-
на. Ряд молодых авторов группируется
вокруг сборника «Звено».

Письмо сложили джангарчи и поэты:
Мукубен БАСАНГОВ, Семен ЛИПКИН,
Баатр БАСАНГОВ и Пюрве ДЖИДЛЕЕВ.
Перевел с калмыцкого С. Липкин.

На обсуждении книг о В. В. Маяковском

А. Фадеев

Итак, еще раз о Маяковском и о книжке посвященных товарищам, что переплывшим тутком моего первого выступления было определение того, что же в Маяковском является обязательным для нас. Не побоясь сказать это слово — именно обязательным, — не называю навязанным, а морально, духовно обязательным.

Определение Маяковского Сталиным — «Маяковский был и остается лучшим талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» — вывадено, как я говорил в своем первом выступлении, именно тем, что в Маяковском-поэте воплощены такие черты, которые должны характеризовать всех нас, советских литераторов.

Что это за черты? Это — беззаветное служение делу коммунизма, это — любовь к социалистическому отечеству, это — постоянная связь с задачами современности, это — умение в конкретном, повседневном выразить глубокое, вечное, в высшем, — это изумительная, потрясающая работа над формой. Все это в целом создает облик поэта и писателя, который нам нужен.

Почему нужно было ставить вопрос о Маяковском и футуризме? Потому что уточнение этого вопроса о Маяковском и футуризме может породить ложное представление и о Маяковском и о футуризме.

Одни хотят сделать вид, что никакого футуризма не было при Маяковском. Маяковский был отдельно, и футуризм был отдельно. Но тогда становится непонятным, почему же Маяковский сам называл себя футуристом до революции, и первая группа, которую он организовал в 1922 г., тоже называлась кружком, или течением футуристов.

«Лев» вооружил в себя часть из тех людей, которые были в дореволюционном футуризме, и некоторых новых. Поэта Асеева не было в дореволюционном футуризме, но в кружке футуристов, организованном Маяковским в 1922 г., он был, а потом он был в «Леве» и в «Реде», тоже возглавляемых Маяковским.

Т. Шкловский, Крученых были в футуризме, и дореволюционном футуризме, и в футуризме «Лев». Они тоже были членами этих кружков. Значит, существование этих кружков, известная преемственность в их развитии есть объективный факт. Значит, нельзя сказать: Маяковский существовал отдельно, а футуризм отдельно.

А с другой стороны, есть люди, которые хотят сделать вид, будто поэтическое направление Маяковского и есть футуризм, хотят отождествить футуризм с Маяковским. Но доказано теперь, что люди, отождествляющие футуризм с Маяковским, стремятся через Маяковского оправдать то формалистическое ложное начало, которое было в футуризме, спасти некоторые ложные традиции кружка.

Вот почему приходится заниматься этой проблемой. И в этом — польза настоящей дискуссии.

Мы поняли, что Маяковский — более крупное явление, чем тот или иной литературный кружок. Мы теперь поняли, что и сам футуризм не был кружком, что в футуризме была та почва, которая мы сейчас определяем как формалистическое начало. Мы говорили о формалистическом начале и доказали его существование у такого большого поэта (и в лучших своих вещах социального и реалистического поэта), как Хлебников. Мы говорим, что поэзия Крученых была чистым словесным трюкачеством. И были в ту пору теоретики-формалисты, которые пытались это формалистическое начало ввести в русло определенной литературной теории (за это мы критиковали Т. Шкловского, и не только за это, и не только его).

Теперь доказано, что «футуризм» Маяковского и весь его поэтический рост мы не можем отождествлять с развитием этой формалистической поэзии, как не можем мы теоретическое обоснование формализма выдвигать в качестве теоретического выражения поэтики Маяковского.

С другой стороны, мы определили, что вокруг Маяковского были и такие поэты, которые действительно являлись ему родственными. — и по родственности пути в революции, и по известным поэтическим традициям, и по отношению к слову. Мы определили, какой стороной своего творчества был близок к Маяковскому Хлебников, что роднит с Маяковским Асеева и некоторых других современных поэтов, тоже вышедших из футуризма.

Таким образом, мы сразу достигли уже, а вы сейчас, двух больших побед. Первая победа состоит в том, что мы для себя поняли путь Маяковского. Маяковский, прорвавшись к громадной социальной теме, к революции, к коммунизму, дал нам пример того, каким должен быть наш художник. Без этой большой социальной темы, без любви к революции, к родине, социалистической жизни, к современности, как поэт революции и социальности был бы невозможным. И это большое наука для всех нас. Мы доказали, что Маяковский был связан с поэзией, что он являлся близким к поэзии, что он ваял большие социальные темы, т. е. мы не дали соединить поэтический путь Маяковского с путем формализма.

С другой стороны, мы обрели такого большого советского поэта, как Асеев (и не только его), от гласных и негласных обвинений во всех смертных грехах формализма, — как будто Маяковский это одно, а Асеев, дескать, «формалист», — потому что он нужно подальше отодвинул от Маяковского.

Так сложилось в жизни, что своим индивидуальным путем, но во многом родственном пути Маяковского, Асеев вырос в крупнейшего советского поэта, во многом продолжателя традиций Маяковского. Он является поэтом социальным, с глубоким интересом к современности.

Вы знаете, что Асеев написал в своей жизни немало изумительных революционных стихов, и его индивидуальная личная тема так же в большинстве случаев обращается, как большая социальная тема. Это — человек с любовью к настоящей поэтической форме, хотя он и не извлекся из своих формалистических представлений от ряда формалистических пережитков.

Таким образом, есть уже некоторая ясность. Оказывается, что принадлежность к течению футуризма — не позор, что отделяет Маяковского целиком от футуризма не нужно, а нужно только показать социальную и поэтическую разнородность футуризма, разработать его формалистическую часть, показать, каким путем Маяковский, а вслед за ним и некоторые другие поэты футуризма преодолели формалистическую болезнь и стали большими революционными советскими поэтами.

Второй вопрос, который непосредственно вытекает из этого: Маяковский был наиболее крупным и ярким поэтом, общепризнанным современностью, текущая

богатая и взаимно дополнять друг друга.

Мы только у истоков этого процесса находимся.

Что здесь правильного? То, что сказано об общности нашего пути к коммунизму, о многообразии форм, и то, что у нас будет специфическая борьба, т. е. борьба-соревнование в социалистическом духе.

Неправильно здесь только то, что это будет соревнование индивидуальностей, что слово «направление» нужно отбросить, что будто бы не может быть развитие, что будто бы не может быть развитие в области формы при общности идейных взглядов. Нет, направления неизбежны, и они уже есть. Мы должны их развивать, поощрять дискуссии между ними.

Кто же должен помочь нам определить эти направления? Я опишу, например, не могу этого сделать. Вот почему не правы люди, которые стали бы критиковать мое первое выступление, связанное с Маяковским, за то, что я не сумел определить современные направления в поэзии. Да я и не пытался сделать это, нет, я пытался очистить дорогу от наносного, от случайного, для того, чтобы была возможность начать говорить о действительных направлениях, для того, чтобы нам коллективно найти их.

Для этого существуют марксистская критика и наш коллективный писательский разум, которые могут помочь направлениям осознать самих себя и друг друга.

Но я уверен, что соревнование направлений в нашей литературе должно быть социальным, а не мелкой конкуренцией теоретических оповещений.

Если бы любил, неэтикетированный, объективный человек стал читать стенограмму нашей дискуссии, то, дойдя до некоторых выступлений, он сразу определил бы, что они не имеют отношения к теме, что они исходят из других тенденций, из других интересов.

Поэтому я и поставил своей целью разработать ту довольно странно сложившуюся группировку людей, которая пытается выдать себя за направление в поэзии. Я хотел сделать это для того, чтобы показать, что она соединялась на основе своих поэтических взглядов, а на основе других, побочных, посторонних взглядов. Это почувствовали все или почти все.

Вы думаете, что Фадеев, критикуя небрежное отношение Лебедева-Кумача к поэтической форме, хотел его унизить. Да разве можно унизить настоящего работника? Напротив «Вечерняя Москва» попыталась противопоставить мое выступление другому, сделанному в совершенно другой обстановке и в других условиях, когда нужно было в известной мере доказать политический анализ. Лебедев-Кумач от насков, идущих совершенно по другой линии, против него как автора патристических стихов. Тогда, не скрывая многих небрежностей в его работе, я вывел под защиту то, что он может делать и делать. Это вычтено в сборнике моих статей «Литература и жизнь», это все можно прочесть. А сейчас, разбирая это

искусственно созданное «направление», мне нужно было отделить и больше поговорить именно о другой стороне его деятельности — о небрежности в работе, о недостаточном строгом отношении к слову, как выражению тех больших тем, за которые человек борется.

Это тем более нужно было сделать, что до тех пор, пока мы в литературе не сломали формалистического отношения к некоторым явлениям, что они вроде бы являются для критики, — настоящей дискуссии в области искусства быть не может.

Говорят: «барски» критиковал Алтауэна и Жарова! Дело не в барстве. Это ведь мой ровесник. Интересно, как они повернули вопрос насчет стихов Алтауэна, насчет его поэмы «Четыре брата». Когда-то я был молод и сам написал неграмотную повесть «Радина». Теперь ее, к счастью, трудно найти. Когда-то мы касались поэтическими такими строки Вяземского:

Мне говорят — весна и солнце пышет горном,
И слышит тренька по строчкам Сашка Жаров...

А я иду, иду и думаю упорно
Про себестоимость советских товаров.

Это сейчас звучит, как пародия. Но мы в те годы показывали это друг другу в обиходности, и нам казалось это новым отношением к вещам.

Это прошло. Это было детство. Вы все время хотите ходить в детских штанишках. Не нужно этого!

Они обычно выходят и говорят так:
— При свидетелях было т. Фадеевым сказано...

Да, кто собирается отказываться? Говорит, Фадеев нравилась поэма «Четыре брата». Да, нравилась, и это естественно. Она напоминала мне что-то очень знакомое и любимое. Она ритмически была сделана под «Шилловского ушка» Байрона в переводе Жуковского.

Вот же и цепи грязь и врал —
Со мною рылом умирал.
И умер брат мой одиноко,
И близко был и — был далеко...

Когда я прочел поэму «Четыре брата», мне вспомнились эти строки, вспомнились что-то очень приятное. Но ведь мы выросли! Пора начать работать по-настоящему.

Выходит, это не барство с моей стороны, а это любовь к советской литературе, это внутренняя боязнь за то, чтобы не на растащи по халтурям нервные люди. Вот в чем дело, товарищи!

После этого я могу сказать: как бы вы ни говорили, что первая дискуссия «те оправдана надежда», — из дискуссии, при оправдании надежды, подучилась польза. Дискуссия дала возможность поставить некоторые вопросы советской поэзии, дала нам возможность понять некоторые стороны поэзии Маяковского и дала основание сделать предупреждение людям, которые, не работая, не трудясь, не любя слово, думают чем-то побочным, посторонним нажить капитал в литературе. Не выдет, товарищи!

Л. Тимофеев

В дискуссии был поставлен ряд весьма существенных вопросов; речь шла не только об оценке книги, посвященной Маяковскому, но и о проблемах историко-литературного порядка, и о традициях Маяковского в советской поэзии, и, наконец, к созданию, о рописках личного порядка.

Делать какие-либо четкие выводы сейчас еще, конечно, рано, и — главное — они должны быть сделаны в литературной практике, но все же важно уточнить некоторые вопросы, которые здесь вставали.

Не случайно в этой дискуссии так тесно переплелись и проблемы историко-литературные и проблемы современной литературы.

Дело не в складчатом вопросе — был или не был Маяковский футуристом полностью или не полностью. Дело в том, что проблема футуризма — это проблема новаторства, а эта проблема стоит сейчас уже, конечно не менее остро, чем она стояла в свое время перед футуристами. А это обстоятельство, что это новаторство было связано с Маяковским, имеет для нас объясняющее значение. Поэтому вопрос о футуризме Маяковского — это вопрос, определяющий отношение к современным проблемам советской поэзии.

Недостатком дискуссии является то обстоятельство, что в ней очень мало и скучно был освещен один из вопросов, без которого вообще изучение поэзии ставить нельзя. Это вопрос о трактовке Маяковского в литературе, вопросе, без которого, вообще говоря, сама проблема становится мнимой.

Если пойдти к этой точке зрения в начале деятельности Маяковского, то она позволит нам более полно разобраться в наших современных вопросах, и в вопросе о традициях Маяковского в советской поэзии.

Период, когда Маяковский выступил на сцену, это период исключительно острого общественного кризиса, когда тема человека в литературе была в особенности напряженной; в сущности, все литературное течение того времени ставило ее. Но рещалась эта проблема весьма различными путем.

Символизм (не говоря о поэтах, его переносили) — Блок, Брюсов) уходила в область жизни в сторону, значительно высше тех поэтов, которые вывели образ футуристов, которые вывели образ Маяковского. Они протестовали, беспорочно, и в этом была их положительная роль, против деградации, унижения человека в эпоху капитализма. Но протест этот был, так сказать, негативный. Протест против страдания человека в буржуазном мире, Хлебников стремился вообще отрешить его от культуры; отсюда — своеобразный руссоизм Хлебникова, нафосеобности («Лесная дена» и др.), столь для него характерный. Здесь было дождливое начало, ибо этот пафос является протестом против состояния, в котором находился человек в буржуазном обществе. Но в своей основе это был неверный путь, потому что он вел человека назад, а не вперед.

Проблема человека в творчестве ряда футуристов была поставлена, таким образом, очень остро. Но повествование в поэзии и в глубине смысла слова, здесь не было, ибо повествование в литературе есть прежде всего явление в не новых идей и образов, помогающих развитию человека. Маяковский уже до Октября создает богатый и разносторонний мир человеческих переживаний, которых не было ни у Хлебникова, ни у Крученых. Маяковский сумел в человеке найти ведущие и основные, уловить в нем элементы социалистического мироощущения. Именно это позволило ему стать новатором в полном смысле слова. Он сблизился с футуристами потому, что он так же, как и они, переживал кризис человека в начале XX века, но ушел от них потому, что он развил его иначе и по-иному.

Маяковский выдвинул отвечающую ходу революции концепцию человеческой

Дом в Москве в Гендриковом переулке (ныне улица В. Маяковского), где жил В. Маяковский. Зарисовка художницы А. Н. Рудовой.

Библиография

КРАСНОАРМЕЙСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Авторы этого сборника — бойцы, младшие командиры, лейтенанты, военфельдшеры. Собранные в книжке стихи, песни, рассказы, как сообщается в предисловии, — красноармейский подарок молодых авторов VII окружной олимпиаде красноармейской художественной самодеятельности.

Молодые авторы пишут о любви к родине, о мужестве своих друзей, о трудностях походов, о красноармейской присяге — о всем самом для них близком и дорогом. Поэтому так подкупающе-искренни безыскусные строки многих стихов и рассказов, напечатанных в сборнике. Читатель простит, например, красноармейцу Пташкину наивные, неудачные строки:

Через все препятствия пройду,
Смелые раскрыв глаза!
Простит именно потому, что стихотворение Пташкина «Никогда не отступлю назад» воспринимается, в первую очередь как клятва бойца, преданного сыну родины, а не как риторические выщипывания поэта.

Впрочем, неудачных строк в сборнике не так уж много. Гораздо больше удач, особенно у молодых поэтов. Запоминаются стихи младшего лейтенанта А. Кузьмина, старшины А. Артемова, младшего

комзвода М. Гроссмана, военфельдшера И. Заболотникова, красноармейца И. Левицкого. С несомненным мастерством, правда, не без влияния Н. Тихонова (особенно стихотворение Кузьмина «Василий Бахвалов»). Горой летчик под обстрелом врага выбрасывается на парашюте из горючего самолета. Вот как описан этот момент:

Земля уже совсем близка.
Судьба решится там...
К нагону таятся рука,
А вдруг спускаю к врагам?
Все ближе... ближе...
Ветра свист...
Круговорот... пурга...
Рывок — и парашют повис...
Туман в глазах. Снега...
Но, если мужество живет...
Таких не тронет смерть.
Сумей лишь взять ее в обход,
В глаза ей посмотреть.

Проза сборника значительно слабее стихов. Среди других выделяются рассказы красноармейца М. Кондакова — «Скрипка» и младшего командира Н. Шеглова — «Полюдинок в воздухе».

Тексты песен, помещенных в последнем разделе сборника, печатаются вместе с нотами. Это, несомненно, будет способствовать популяризации песен в красноармейских массах.

Сборник довольно иллюстрирован группой красноармейцев-художников.

Е. М.

РАССКАЗЫ О МАСТЕРСТВЕ

Пятнадцать человек — представители пятнадцати профессий — коротко и деловито рассказывают детям, как любовь к своему делу и умелые руки сделали их известными людьми страны.

«В прежние времена, — говорит один из авторов книги, ремонтный мастер А. Усачев, — человек не выбирал себе профессию, а пробивался к ней любой ценой, стараясь получить квалификацию. Путь к мастерству был долгий и трудный, и не каждому было под силу пройти его».

Сейчас наша молодежь имеет возможность выбрать любую профессию и подготовиться к ней в ремесленном училище, школе фабрично-заводского обучения. Это убедительно и с большим педагогическим тактом показывают авторы сборника, повествуя о своей жизни.

Рассказы о мастерстве. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1940 г.

В СТРАНЕ ЛЕДНИКОВЫХ ГОР

В этой небольшой книжке, содержащей всего около пятидесяти страниц, читатель, наряду с описанием живописных высокогорных районов Кабардино-Балкарии, найдет несколько волнующих эпизодов, характеризующих мужественный народ, его старинные обычаи, его новую жизнь.

Встреча автора с Апасом Нартеуевым, быть может, единственным летописцем своей страны, по своему разумению примененный арабский алфавит для записи наиболее интересных событий; рассказ о народном поэте Пачеве, которому в течение десятков лет не удавалось сочинить счастливую песню, — мне подражали мои слова в песнях, как подрезают крылья орлу; беседа с древним стариком Закием, скорбищим о том, что он из-за болезни уже не может участвовать в аулусе — все это передано сжато, просто, без комментариев.

Немногие эпизоды, рассказанные в книге, как видно, тщательно отобраны автором. Между эпизодами существует логическая связь: они освещают колоссальные сдвиги в жизни народа за последние годы. Вот автор встречает в дороге длинный караван ар, груженных кирпичом.

— В Верхней Балкарии, — говорит писателю его спутник, — уже есть новая школа, а теперь еще строят в самом верхнем ауле, а у нас еще не строили новой школы — у нас старая школа...

О трудности такой постройки, замечает автор, можно судить по тому, что на одной только заготовке материалов работали целую зиму и все лето. Автор говорит об этом мимоходом. Пусть читатель сам представит себе масштабы культурной работы, когда уходят в горы книги, что в недалеко еще сплошь безграмотной стране теперь на 360 тысяч населения 70 тысяч учащихся!

Вдумчивая наблюдательность и умение точно передать наблюдения отличают эту интересную книжку. Многие места по-настоящему поэтичны.

В конце книжки приложен географический очерк о Кабардино-Балкарской АССР А. Кауфмана. Книга богато иллюстрирована фотоснимками.

М. П.

«КАРЛ БРЮЛЛОВ»

Книга О. Ласковой о Карле Брюллове — единственная попытка сделать подробный анализ творчества выдающегося русского художника первой половины XIX века.

Современники Брюллова — Пушкин, Гоголь и Герцен, как известно, высоко ценили его мастерство. Картина Брюллова «Последний день Помпеи». А. Герцен считал высочайшим произведением русской живописи. Пушкин посвятил ей стихи и очерк. В статье о картине Н. Гоголь писал: «Мысль ее принадлежит совершенно вкусу нашего века, который вообще, как бы сам чувствуя свое страшное раздробление, стремится совокупить все явления в общие группы и выбирает сильные кризисы, чувствуемые целую массой... Страсти, чувства, — пишет далее Гоголь, — верные, огненные, выражаются в таком прекрасном облике, в таком прелестном».

О. Ласковой. «Карл Брюллов». Госизд. «Литискусств». Москва-Ленинград. 1940 г.

красном человеке, что наслаждаешься до упоения.

И все же В. Стасов, а вслед за ним и А. Бенуа подвергли все творчество К. Брюллова исключительно резкой критике. «Для обиходных критиков, — пишет О. Ласковой, — К. Брюллов был наиболее яркой величиной русского академического искусства. Они согласно упрекали К. Брюллова за отсутствие «содержания», вкладывая в это понятие различный смысл. Одним из пунктов обвинений, выдвигавшихся Стасовым, было сходство творчества Брюллова с романтизмом французской литературы, которая казалась критику ужасной, варварской».

Книга дает представление о творчестве К. Брюллова во всей сложности его развития от неоклассицизма через романтизм к реализму. Путь, пройденный художником, был тесно связан с общим потоком русской культуры.

Книга великолепно изложена и содержит большое количество репродукций с наиболее значительных работ художника.

В. С.

Две повести М. Булавина

И. С. Лесков писал о романисте Иерониме Яковиче: «Читая его произведения, я стараюсь прислушаться к языку действующих в них лиц. Все у него говорит одним голосом, одним языком. Все это один и тот же человек, подающий одним и тем же языком различные реплики, переделывающийся в разные костюмы и непохожий, в конце концов, ни на себя, ни на других. Многочисленные его герои представляются им на ровной плоскости, вроде оловянных солдатиков, которых дети растапливают друг против друга для сражения. А сражения-то и нет! Стоят себе они оловянными, мертвыми, бездосмысленными...»

В «Лаве» происходят замечательные события: на рудник, являющийся и промыслом, приезжают комсомольцы; все они, за исключением труса Виктора Бессонова, отличные ребята, способные на характернейший для наших дней, последний трудовой подвиг; обстановка на руднике трудная; среди шахтеров-крестьян распространены являющиеся настроения; вредители устраивают катастрофу, идут на прямое убийство; усилены руководящего рудником, усилены комсомольцев создается перелом; в борьбе есть жертвы, но цель достигнута, потому что в жилах советских рабочих, советской молодежи течет стахановская кровь. Какие подлинно героические и, к тому же, типичнейшие факты, но... не сражения-то и нет! Литературные оловянные солдатик расставлены в боевом порядке, но они мертвы и безжизненны, сами двигаться не могут. В них нет жизни, литературного образа. Подобно тому, как мастер детских игрушек раскрашивает оловянных солдатиков, чтобы их не перепутать, М. Булавин раскрашивает своих героев, чтобы их не перепутать читатель.

Какие краски он находит для них? Роль красителя призван играть эпигон. Пронин — рыцарский, Жена — рыцарка, Артамон — корсарский, Марфушин — колчезный, Каластрук — горняцкий, он же и напористый. Этого мало для пластического изображения людей? Булавин чувствует сам, что мало, и он «удорожает» своих солдатиков тем, что некоторым из них придает неизменные до конца повести житейские функции: так, Шумских играет на балалайке, Пугачин и Бокашев занимаются французской борьбой, Лена Бухарцев поет басом. Редактор же советской газеты в драматический момент «подтирает» руки, довольный обилием материала, что больше, сродни редактору «Будильника» или «Стрелок».

Все эти примитивные, наивные литературные уловки не способны, конечно, оживить неживое. Лицевые повести не способны, присутствуют только по Дескову, один и тот же человек, ползающий одним и тем же языком различные реплики и переделывающийся в разные костюмы. Язык этого человека либо обезображенный, услышанный нечутким ухом, либо...

Но предостало реплику Виктору, обращенную к героине. «Когда я слушаю тебя, мне кажется, что ты на собраниях. Он совершенно прав, вот как говорит Баря: «Он обманул не только мои чувства, но и весь коллектив». Или думь другого персонажа Корнеенко, его беседа надлежит с самим собой: «Да, первая победа не плохая. Закрепится же ее. В решении этой владычицы большая победа». Как на собраниях? И действительно, немногим позже он говорит работам: «В этом — наша победа. Победа не из легких. Наша задача — закрепить ее и двинуться дальше».

Все это деревянные, обиходные слова. И даже не обиходные, это — отходы от повседневной речи, которые, понятно, не могут служить материалом для художественного произведения. Нет слова — нет и произведение. Нет и любовного конфликта, несмотря на то, что по схеме повести построен треугольник: Андрей-Варя-Виктор. Нет сцены погребения комсомольцев, павших на трудовом посту, потому что нельзя передать героического драматизма этой сцены такими фразами, как: «Они смотрели скорбными глазами, выжили от слез или сяди serene ложилась тоска». Нет и финальной, самой ответственной сцены повести, главы, в которой описана торжественная конференция — производственный триумф рабочих. В этой главе «Корнеенко стоит улыбающийся, радостный», Серга сидит в клуб через растущуюся перед ним массу, гордый, улыбающийся». Попирая законы русского образного языка, «несует» возгласы и новый раскат треска (?) повис над площадью».

Вероятно, мне, читателю, было бы трудно когда-нибудь вернуться к писателю Булавину, если бы в эту скважину схемой повести вдруг не зашел почти живой человек. Я говорю о старике Серге Татаринцеве, крестьянине и давнем шахтере, сердечном и «не оловянным» написан этот четкий, чистый старик. Вот, после своего знаменитого рекорда, он выходит на гора.

«Шел он, немного сутулясь, и от этого руки его казались еще длиннее. Он по новому огибал двор и только сейчас заметил, что двор чист пометом. На нем не было нагромождения являющихся, опорожненных вагончиков, не валялись похлупные делянчики, не лежали груды шлака и угля... Куда пойти? Можно всюду пойти... Он вспомнил свою тяжелую являющуюся, и эта, может быть, первая радость тронула старое горняцкое сердце».

«Эх, Серга, Серга, на склоне лет своих ты пройденный до всему руднику, и все тебе пожат руку, в столовой уступил место, и друзья не один раз пойдут в твою портреты и скажут: «то дядя Серга, лучший горняк и забойщик».

Психологическая картина эта еще как-то притуплена, в ней нет силы, нет того послеполночного, частично найденного слова, которое решает дело, но здесь правда жизни уже уловлена средствами литературы.

Не будь в «Лаве» Серги Татаринцева, можно бы сказать: повесть не имеет ничего общего с литературой. Впрочем, есть еще одна примета, по которой можно угадать в Булавине человека еще неуменного, до творческого. Я говорю о внутренней заповедности повести. Она заложена в заповедном несоборном фразе, стиснутой схемой, но изредка ее можно почувствовать. Паредка эта заповедность кропывается.

Но «Лавы» она не спасает.

II

Появляется повесть «Мамонтовщина» и говорит сама за себя. Может быть, в литературе последних лет не было случая такого исключительно резкого роста от книги к книге.

Для «Лавы» характерна такая фраза: «Исполненный над дверью репродуктор, подожгом ворона, каркал простуженным голосом, как-то и вдруг снова спел, как самовар».

Все изумляет в этой нешпробранной фразе. Почему репродуктор, каркающий, как ворона, в то же время спел, как самовар? Кто-то еще при паре Долоне напался о простуженном голосе вороны, и в тех пор пошло — в каких только английских произведениях нет этого простуженного голоса вороны! Да и простужается ли когда-нибудь ворона?

Такова «система образов» в «Лаве». А вот описание из «Мамонтовщины»: «Ровный стук копыт каменных градом сыпался по улицам... Иануренные походом казаки скачущие оглядывали дома, торжественно пробегавших женщин, ребятшек, звали, дымили табаком. Грязные ручки лота ссылались по щекам за шее, раздвигая глаза, казая вытаращить раскрасившиеся лица фуражкам, ругавшим, а через несколько минут солонья ист снова лез в рот, шекотал шею. Некоторые соскакивали с лошадей, оправляли седла, не преминув воспользоваться случаем урвать кружку воды и, не допив ее, к завысив оных и к удовольствию других, вдруг вышескивали остатки в лужицу какой-нибудь смуглянке, затем, лихо вскочив на коня, догоняли свою часть».

Я нарочно начал с этой цитаты. Она дает представление о простом и точном языке «Мамонтовщины», в котором вообще очень мало погрешностей и уж совсем нет ни вороны, ни самоваров. Кроме того, эта цитата в какой-то мере передает литературную манеру Булавина, самый дух его произведения.

Что такое «Мамонтовщина» как жанр? Это и повесть, и хроника — она написана в традициях многих советских произведений о гражданской войне. В ней есть лица в своем роде «исторические», такие, как генерал Мамонтов, и лица вымышленные — литературные типы. Действие волево переключается из деревни в город, из революционного лагеря в белогвардейский стан, причем автор вовсе не забывает о стройности композиции. Очень много эпизодических лиц, составляющих «человеческий фон» эпохи, много отбеленных картин походов, восстаний, героизма, — картин, имеющих самодовлеющее значение.

Многим отдельными страницами повести написано Шолохова или, что будет вернее, Л. Н. Толстого. Все это совсем не страшно, в литературе закономерны направления, и скажем, если М. Булавин применяет к направлению Шолохова, то это прежде всего дело его художественного самознания. Важно отметить основное: в «Мамонтовщине» Булавин выказывает себя весьма художником, умеющим писать широко, художником, пропущенным лафом революции.

Отличительная особенность повести: революционеры, советские люди, мужики, приходящие к революции, показаны лучше, сильнее, ярче прямых врагов. Улачу похвалы и назвал бы улачу положительный литературный герой Фронтовик Устич, его светлая, струящая доброту и Натане, его революционный истинный мужество, душевная красота — все это хорошо сделано, и живет, и в этом радом боине тех пламенных лет виден тип передового крестьянина. Революция, без всякого нажима, с большим чувством меря нарисованы и такие деревенские передовики, как председатели Петр Васильевич и Егор, их работа на революцию, их стойкая смерть за революцию. Вот в этих портретах и в портрете Устича, конечно, в истории ее любви к Натини, в ее страшной женской судьбе — М. Булавин, мне кажется, нашел сильное свое писательские стороны, нашел себя. Героические страницы нашей революции получили в лице Булавина достойного литературного изобразителя. Очень ясные массовые сцены и просто прекрасная, на мой взгляд, расказка казака о том, как он скорчился под беззакониями своих отца и сына.

«Мамонтовщина» кажется мне реинтерпретацией эпосом М. Булавина, писателя, доказывающего на себе, что значит ответственное отношение к литературному делу. Мне не предостало в себе Булавин типичная и натуралисту, описывающего хотя бы в сценах, где описаны пытки и убийства, наивно звучит разговор Егора с богом о потерянных на войне ногах. В тексте повести еще можно столкнуться с эпиграмами, давно обработанными в литературе.

Но если с отработанными эпиграмами Булавину будет справиться легко, то с отработанными образами ему придется повоевать упорно. Я говорю об образах хорунжого Назарова, солдата Бахтина, солдата Быхлинкова. Образов-то, в сущности, никаких нет: два переплетя в советской литературе эти кровавые резонеры, садисты, неврастеники, «заблудившиеся» офицерские души, начиная с яванского Нельсона и кончая кабакскими офицерами из «Хмурого утра» Алексея Толстого.

И я говорю себе: свернется, что не отразится, что предпринято. Планы и являющая любви и веры охватит сердца. Лудья вложат его в свою развешенную грудь и с мольбой обратятся к земле-матери, которую они оксвержили — так декламирует сотник Быхлинков в письмах к своей жене, и не только не верит, шити сотнику Быхлинкову, но и в существовании этого сотника не верит!

А вот как солдат Петро пишет своему старому с немецкого фронта: «Дорогой папаша Егор Тимофеевич, выдь вечером из хаты на огород и глянь, куда зашло солнце. В той стороне, только луже далеко, твой сын Петро сражается и кровь проливает с немцами...» И вот как отвечает сыну старик Егор: «Дорогой наш сынок, Петро Егорович, а сонце сегодня заходило красное, красное, добре много окунали его в кровину, и слезов наших, вкупе, всем миром, мало будет обмыть его. Ночью, бывает, выльешь на улицу, и часом чудится, будто проток идет огнем, земля стонет, может быть так или нет, оптиня...»

Только искренно чувствующий художник может в одних коротких мужицких грамотках показать и страдание народа, и усталость от войны, и назревшие в народе силы протеста против мировой бойни, и в то же время как бы мимоходом, по силно зарисовать людей.

Итак, «Мамонтовщина» — повесть не ровная, но сильная в своей основе; она заражает читателя революционной патетикой своих образов; за ее страницами участника гражданской войны помянут былые дни, молодой читатель как бы наивно переживает эти дни боевой славы. В наше время, когда за рубежами шумит новая несправедливая война, работа Булавина приобретает особое значение, затрагивая в читателе чувство революционного патриотизма. Вторую книгу «Мамонтовщина» читатель будет ждать с вполне понятным реаним интересом.

Новые Стихи

Николай НЕЗЛОБИН

Из новой книги стихов «Оленья почта»

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Как ветер, у которого везде, в любой стране — один язык и голос, звенит ли он пещочкой на узде у горбоносой лошади монгола,

иль в тростниках над светлою Окой свистит кулирей тонкокрылой грустью, оберегая солнечный покой и тишину речного захолустья,

иль бурю кличет, падая плашмя, к седым волнам на их косые плечи, и лес, как ворон, крыльями шумя, с зеленых гор летит к нему навстречу.

Так и стихи: певучая строка звучит подобно вздоху ветровому в пастушьих дудках, в песнях моряка об очаге покинутого дома, строка поет в неволе под замком, зовет грозу, и туча налетает, клубится вихрь, и молния блистает, и с грохотом идет над миром гром!

И вдруг опять — спокойна и тиха — звенит веслом над глубиной прихотливой... И, упоен гармонией стиха, молчит поэтом, смущенный и счастливый.

2. ЛАМУТ-ОХОТНИК

Медведь приходит зимовать поближе к деревням, чтоб голос чокета слышать с берлоги по ночам.

Не спится зверю: глушь да жуть, медвежья ночь, как год. И вот протяжно где-нибудь вдруг кочет проноет.

Засыпшит крик его медведя, и станет веселее, и снитися бурому повести, и звонкий певчий в ней.

Он черныи, с красной головой, могучий, как глухарь. По петиуху медведь зимой ведет свой календарь.

Лесной ламут, пускаясь в путь к чужому зимовью, всегда старается чуть-чуть поближе быть к жилью.

Кругом ни голоса, ни зги, кедрок да снег кругом, и вдруг навстречу из тайги пахнёт в лицо дымяком.

Олень, бубенчиком звеня, несется, как стрела, туда, к хозяевам огня, к хозяевам тепла.

Ламут протягивает им озябшую лапню, ламут садится в самый дым и смотрит на огонь.

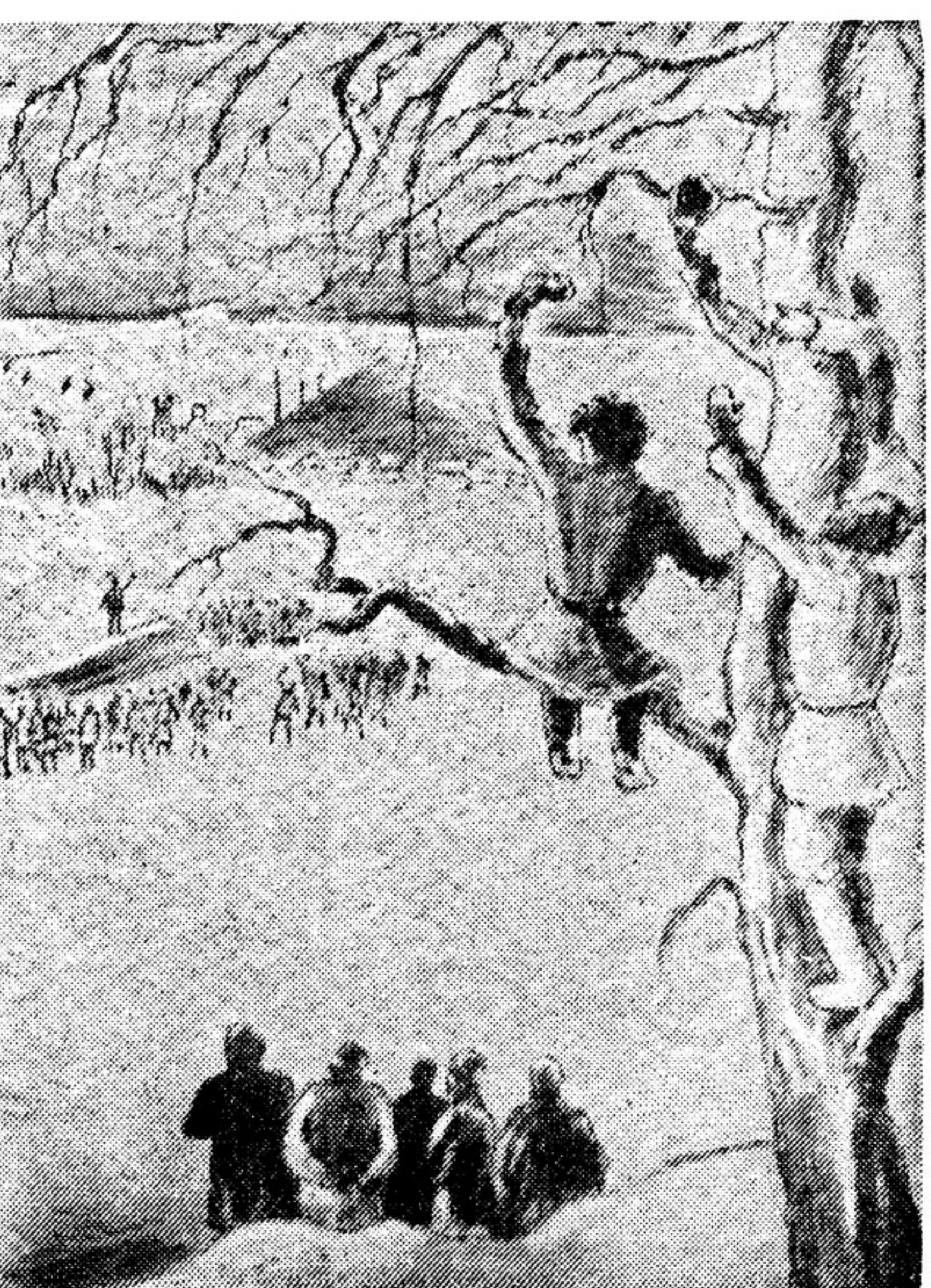
Он радуюс с малюлей своей к чужому очагу кидает черных соболей, куниц и кабару.

Ламут похвастаться непрочь добычкой своей, но дочь, его большая дочь — дороже соболей.

Она идет, прикрыв лицо, к огню из полутьмы. На ней кушачка из песков белей самой зимы...

Иллюстрации художника Д. Дарана к книге В. Гроссмана «Степан Копычугин». Книга выходит в Гослитиздате.

Новеллы Фатых Хусни

Мингали ЗАЙНУДИНОВ

Осенью 1925 года в школу второй ступени города Казани из далекой захолустрой деревушки Татарии приехал скромный и молчаливый юноша. Это было его первое знакомство с городом. Все было ново и необычно: многолюдные улицы, высокие дома, большие стадионы, клубы, цирк, кинотеатры.

Но скоро он свыкся с городом, с товарищами, познакомился с пионерами, и шумливая школьная жизнь целиком захватила его.

Учителя нашли в нем неплохого знатока литературы. Круг его интересов стал весьма многообразным: узнав, что в школе организуется книжечка, юноша одним из первых записывался ее членом.

Успешно окончив школу, он скоро поступает в Казанский финансово-экономический институт. Со студенческой скамьи начинает активно участвовать в работе татарской прессы. В страницах газет и журналов появляются его стихи, статьи, поэмы. Растет его восприятие жизни, социальная роль труда, героизм комсомольцев, новая жизнь деревень, восхождение переды там ученых — таковы были темы его первых литературных выступлений. Жажда познать многообразные явления жизни, интерес к самым общедоступным и к самым великим событиям — вот что определяло характер юноши.

Видно было, что в лице Фатых Хусни молодая татарская литература принимала в свои ряды нового таланта с оригинальным голосом, своеобразной формой письма, писателя, который мог дать новое, свое.

В нетерпеливых поисках своего жанра он пробует писать роман, пьесы, новеллы. Новелла, короткий рассказ совсем мало культивировались в советской татарской литературе. Писатели увлекались большими повестями, обшестыми романами. Возможно, что причиной этому было многообразие и богатство советской действительности. Писатели стремились все это осмыслить и высказать в своих произведениях. Естественно, что это общее

стремление захватило и Фатых Хусни. Так, в 1930 г. он выпустил большой роман «Земля слушает». По роль комсомольца в деревню была показана неверно и даже во многом искажена. Литературная общественность справедливо осудила это произведение. Автор был повергнут суровой большевистской критикой. Неудача не смущила его. Он продолжал писать. После долгих исканий и порой заблуджений Фатых Хусни начинает писать короткие рассказы-новеллы.

Вот новелла в четыре страницы «Расказ матери». Гражданская война. В далекой татарской деревне старуха-мать ждет возвращения сына. Она не видела его три года. Все ее мысли и чувства обращены к сыну. Перестрелка, топот копей, шум и крик — ассоциируются с одной мыслью матери: «Жив ли сын, вернется ли?»

В момент трепетного ожидания возвращается сын. По одному жесту его читатель догадывается, что сын пришел ненадолго, скоро опять уйдет. Мать замечает, что пуговица на его шинели дергается на одной ниточке. Пришняя пуговицу, она тревожно расспрашивает: где он был? куда собрался опять? Оказывается, сын ее добывает тех, которые веками калечили, убивали, отравляли таких же беззащитных, как его мать. Сын уходит.

Автор умело и бережно раскрывает сложное душевное состояние матери, горечь новой разлуки после мимолетной долгожданной встречи, и спокойствие от созвония той цели, которая снова уводит сына.

Автор ничего не подчеркивает, героиня рассказа — самая обыкновенная женщина, способная глубоким внутренним чувством постигнуть величие полвига ее сына и полонных ему людей.

В новелле «Недоразумение» взят такой

эпизод. Рабочий Монасыпов, придя домой, застаёт жену с незнакомым молодым человеком. Возникает тревожное ревнивое подозрение. Сжав кулаки и напуснив брови, он незаметно подкрадывается к столу. Оказывается, что с его женой сидит доцент университета, где она работает габриелистой, и учит ее читать.

Состояние Монасыпова резко меняется. Рождаются радость и смущение, благодарность и дружелюбное расположение к только что незнакомому человеку. Эти едва уловимые душевные движения переданы автором кратко, но выразительно и правильно.

Фатых Хусни уделяет много места в своих новеллах вопросам искусства, месту художника в социалистическом обществе.

Очень интересна новелла «В воскре-сенье», где речь идет о талантливом художнике Ипполите, который написал весьма ценные картины о революции, но стоял далеко от общественной жизни. Приходит «случайная» повестка с приглашением его на собрание жакта. «Художник — и вдруг собрание жакта» — иронически воспринимает он приглашение, но все же идет на собрание. И постепенно, незаметно для себя, он начинает входить в русло общественной жизни.

Личность, талант сильны лишь в коллестиве, — как бы говорит писатель. Мы коснулись лишь немногих новелл писателя. В печати их появилось значительно больше. Но все они, конечно, разнообразны.

Ф. Хусни еще мало пишет о наших днях, о событиях последних лет. В некоторых его новеллах очень заметно влияние романтики Блока, субъективной лирики Пастернака.

Фатых Хусни еще не сложился как художник. Он ищет, добивается, пробует. Но он уже хорошо владеет жанром новеллы. Стиль Ф. Хусни точен, выразителен и скрупулезен. Он тщательно работает над словом, тщательно выбирает сюжет. Он требователен к себе, и в этом залог его дальнейшего роста.

В. РЯХОВСКИЙ

Горькое детство

Всякая новая книга писателя представляется нам с двумя точками зрения: во-первых, какое место занимает она в общем творческом процессе художника, какие его качества подчеркивает и усиливает, во-вторых, что нового привносит она в наши знания об изображаемом предмете.

«Подласка» Петра Замойского — несомненно, одно из интересных явлений в советской литературе за последние два года.

Будь в своей эпопее «Ладте» Замойский ставил своей задачей показать лицо нашей деревни в годы «великого перелома», по горячему следу зафиксировать ломку старых устоев, делая ударение именно на самой ломке в ущерб созданию больших, запоминающихся характеров, то в новой книге налицо стремление сочетать эти две задачи.

В этом плане «Подласка» является для писателя огромным шагом вперед, знаменующий собой рост таланта в глубину.

Обнажение деревни, полная безысходность подрастающего «бездушевного», т. е. не имеющего земельного надела, поколений, назревающий протест против полудетского гнета — все это дано писателем через живые, запоминающиеся образы самого подласка Петьки, Харитона, Лазаря, Ивана Бездомного — носителя непокорного начала, поднимавших народ на открытое восстание против столыпинского режима.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!...»

Эту сцену о полном правом можно принять за тот исходный пункт, где возник творческий замысел «Подласка».

Отдавшись от «Детства» Льва Толстого, Петр Замойский задумал создать книгу о «детстве» крестьянского мальчика, нашего современника, участника грандиозных событий первого социализма XX века, стремясь доказать, что и для миллионов крестьянских сыновей детство — источник истинно лучших воспоминаний. Только это детство совсем иное, без теней и нежной ласки мамы (великолепно звучит это «тата» в передаче мальчика, далекого от французского языка), без учителей и гувернеров, детство, которое от первого младенческого крика сопровождается неизбежно чувством своей неполноценности, бесправия, голода и незащуженных обид. Вместе с тем ощущение социального неравенства не мешает ребенку быть ребенком, у него есть свои радости, и перед ним, как перед Никольской, отныне, назревающий протест против полудетского гнета — все это дано писателем через живые, запоминающиеся образы самого подласка Петьки, Харитона, Лазаря, Ивана Бездомного — носителя непокорного начала, поднимавших народ на открытое восстание против столыпинского режима.

Бой за землю, погром помещичьего змеяния, столкновение крестьян с дружинами и казаками карательного отряда — эти картины изображены Замойским с большой силой и оставляют глубокое впечатление.

И все же не в этом очарование книги. Главное достоинство «Подласка» — в светлой искренности писателя, в простоте и непосредственности его тона, в тех «мелочах», которые заставляют верить в каждую его слово и которые воссоздают ощущение прошлого во всей его осязающей пластичности.

«Знаете ли вы — кто такой Лев Толстой?» — спросил я. — Знаем, — ответили ребята. — Учителю рассказывал.

«Нет, как-нибудь уж, а надо жить. Жить!» — говорит писатель устами своего «подласка» в сцене, где Петька, подвешенный бедностью своего отца, наместными богатыми сверстниками, покупается на самоубийство.

И эта огромная сила сопротивления окрывает книгу в светлые тона, заставляет верить в архетипические силы, проявившиеся в революционное двадцатилетие.

Подласок Петька — не рыцарь деревенский мальчик. У него зоркие, до всего жадные глаза, он пытается всему найти объяснение, много читает. Сутулочная, подлогодная жизнь нбы рано пробудила в нем стремление как-нибудь вырваться из страшного круга. Но Замойский не делает из него тридцатилетнего мыслителя. С какой непосредственностью Петька переживает новое состояние подласка, весенний выдох света, как свежо и по-детски просто он изучает привычки коров, с какими самозабвенно играет со своими свер-

стниками, подобно ему обреченным на полное одиночество!

Мир, который видит Петька, с его туманными утрами, осязанными красками, таинственными «пещерами Лейтгейса», — этот мир прекрасен, если его изобьют от нужды, от необходимости подниматься по зарю и спотыкаться, о неупавших из глаз сонными таяться за стадами в поле, если бы не было выветренной пощечной степи, мужичьих драк на спорных землях.

И вот, мечтая очинить мир от темных пятен, подласок тянется к Харитону, слушает запреты, но такие окрыленные слова мужиков о волевой земле, идет в клатках стирки, в которых простужал бы эти жалкие на волы. На несправедливости, парение в жизни. Пташка, вместе с пастухами «по череду» в крестьянских домах, он присматривается к людям, познает их характеры и видит, как имущественное неравенство делает людей различными, даже враждующими друг другу.

Это расхождение деревни Замойский очень вычлупо показывает в сценах погрома, при обыске урядником мужицких телег после уборки помещичьих полевых. И вместе с тем эти сцены не даны «сами по себе», они организованы для основной линии книги, являющейся необходимыми страницами из «детства» подласка.

И параллельно с этим — какие тонкие наблюдения обнаруживает писатель, изображая отношение Петьки к матери, к отцу и в пробуждении чувства востепичности перед Настей, явзавшей в нем первую любовь!

Вторая половина книги целиком воплощена изображением событий, происходивших в деревне накануне революции 1905 г.

Сбор полатей, жестокая расправа стражников с Аншкой Клышкиной (кстати говоря, история беленой девушки, побуждающей сына богатого крестьянина, и на покупку приданого разорившегося хозяйства отца, — по праву можно отнести к лучшим страницам о трагической судьбе русской женщины) является предельной и открытым неповиновением, к кабинету лачульства и к организации вооруженного восстания. Харитон, Лазарь, Кузнец Самсон — вожди восстания — вырастают в глазах подласка в героев, он готов ценой жизни идти за ними, помогать им, быть чем-нибудь полезным.

Изображение этой полосы в жизни подласка можно считать прекрасной иллюстрацией грозных событий 1905 года, при этом такой, когда на одно мгновение не чувствуешь подавленности, верши, что, несмотря на временное поражение, победа будет достигнута.

«Пока... мы еще придем». Так говорит на прощанье Петьке Харитон, упреждая от расправы.

«Подласок» — автобиографичен. Много в нем не преодолено писателем, есть страдания, в которых не устранен налет «сообщающего» — темных, сохраняющих убожество умышленно от сознания прошлого; есть жалкая на первый взгляд очен «благодушная». Найдутся люди, которые могут сказать: «кто-то, Замойский изображает драку мужиков, а востепичности тут мало!»

Но дело как раз не в этом. Замойский создал прекрасную книгу о «детстве», он показал жизнь такую, какой ее увидел чистый детский глаз, — неволею, страшной, противоречивой, и в то же время полной неясных красок. Взрослым мы много видим лучше, наш опыт помогает нам многое обонять и привести в систему, но так непосредственно, во всей обонятельности и незамутненности яркости мы видим мир только в детстве, и немногие художники оставили чистовеществу картину этого мира. И там, где зрелый человек, писатель Замойский, пытается удовлетворить своих высказательных критиков и кое-что «обонять», там живая ткань повествования нарушается, и становится видными творческие «швы». Например, басня подласка. Позволяете думать, что тринадцатилетний Петька писал их хуже, корявее писателя Замойского. Несколько сочинений мы выкидываем и страницы экзамена в сельской школе, когда Петька, являющийся провинциальным писателем Замойским, читает перед собравшимися мужиками «Деревня» Пушкина. Это допустимо, но не обязательно. Между тем, как в художественном произведении все, по выражению Леонида Андреева, «если и не было, то должно было быть».

Гораздо существеннее другое: Стремлюсь точно передать ощущения своего героя, Замойский сохраняет его «сообщности»: допуская длинноты и оборванные фразы.

Это намалюно видно при чтении редакционной книги по тексту журнала «Красная лодка», где печатается «Подласок», и отдельного издания. В журнале вещь выглядит компактнее, чище.

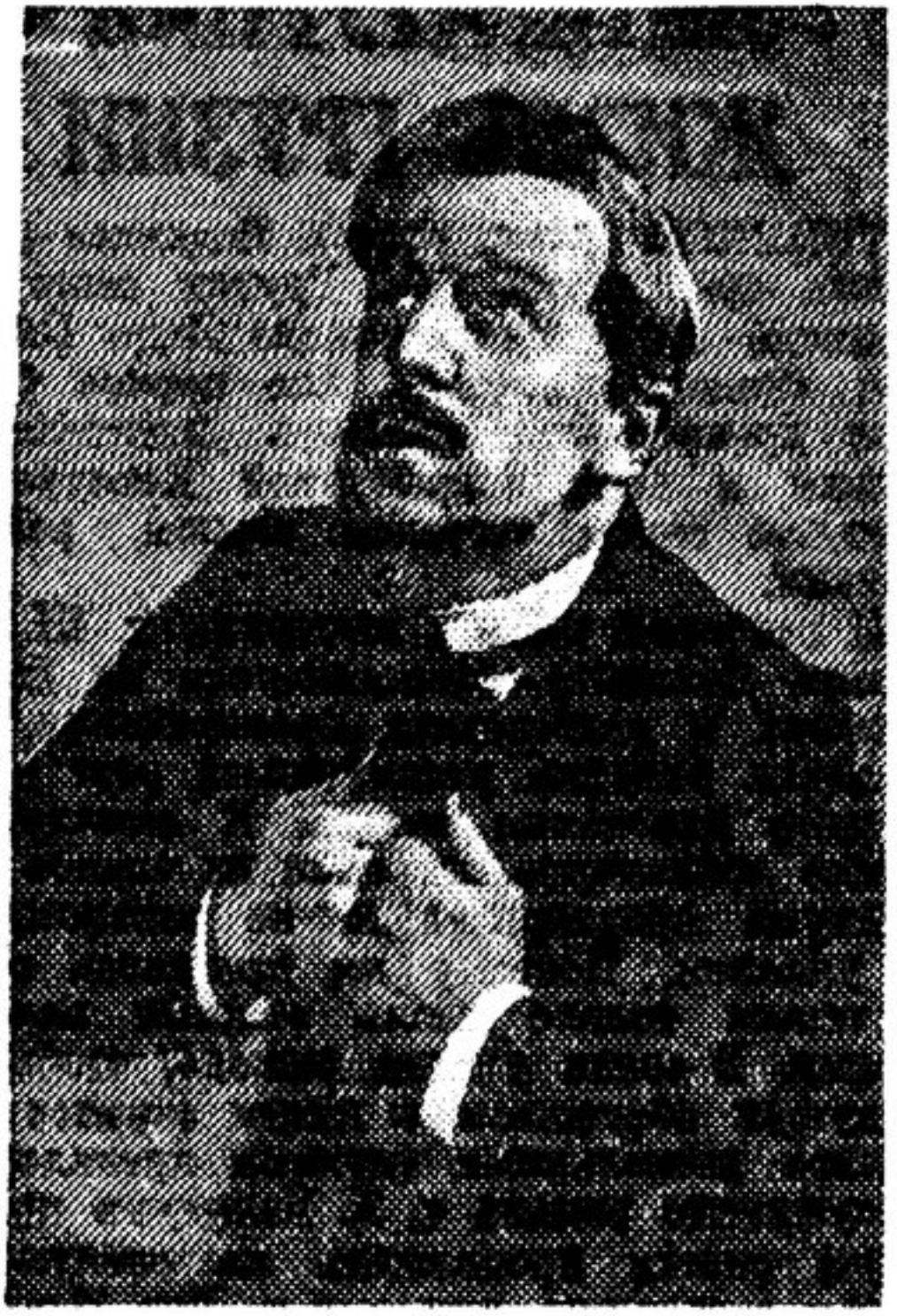
Но это скорее вина редактора, а не писателя.

Петр Замойский дал книгу, которая будет читаться с большим волнением, ибо каждый из нас найдет в ней отражение нашего горького и неповторимого детства.

«БЕСПРИДАННИЦА» А. Н. ОСТРОВСКОГО
В ТЕАТРЕ РЕВОЛЮЦИИ.

На сценке слева — М. Ф. Астангов в роли Паратова, в центре — М. И. Бабаева в роли Лариссы, справа — А. Мартинсон в роли Карандышева.

А. ИВИН

Книга Джемса Бертрама

Книга Джемса Бертрама «На фронтах Северного Китая» является одной из лучших работ, посвященных описанию героиче- ской борьбы китайского народа. Эта книга вышла на английском языке уже около двух лет назад. Она основана на личном наблюдении автора, сделанных им в Японии и в Северном Китае в течение первого года китайско-японской войны. С тех пор прошел целый ураган событий. Китайско-японская война вошла в русло мировой войны. Однако книга Бертрама не потеряла своей актуальности, и в настоящий момент читается с захватывающим интересом.

Двукратно пребыванию в Японии — первый раз накануне открытия военных действий и второй раз уже по пути в Америку — автором отводится пролог и эпилог, в которых кратко, но ясно, четко описывается внутреннее положение Японии, зажатой в железный кулак военных, и дается ряд мастерских зарисовок, характеризующих настроение широких народных масс в начале и конце «первого года войны».

Ночь 1937 г. Японские эскадры двинулись в Китай. «Крики «баназа», — читаем мы, — преследовали нас, как эхо, всю дорогу от Токио до Кобе. На каждой станции, даже на тех, которые мы проезжали среди ночи, стояли такие же толпы со знаменами».

Пролетит всего 10—11 месяцев. Джемс Бертрам снова в Японии.

В Токио в день рождения императора он присутствует на большом военном параде и воздушных маневрах, оживая увидеть такое же оживление, как тот раз, в поле, когда военная лихорадка охватила всю страну. «И вот к моему великому удивлению, — пишет Бертрам, — в этот день было то же приветствующее прохождение войск: даже в этот раз поднимали вверх рукава, когда у них над головой проходили темные эскадрильи».

В Японии предвзвешен автор посещает военную выставку в парке Юно, где демонстрировались знаменитые бомбардировщики, разгромившие Нанкин, с фюзеляжем, искривленным прямолинейно; в рядом с ним лежали обломки китайских самолетов. Были выставлены макеты наиболее знаменательных моментов войны. Световые и звуковые эффекты поставлены были блестяще. И тем не менее все это так же мало привлекало зрителя, как и парад в день рождения Микадо.

Наконец, на том же токийском вокзале Бертрам присутствует при отправке репараций на фронт. Печальная картина прощания. Ни оркестра, ни флагов, ни приветственных криков.

«Вот такая моральная атмосфера в стране, идущей к победе и к победе, — продолжает Бертрам, — она настолько далека от реальности, что японцы после целого ряда имен, знаменитых полководцев, слышавших потерь, несчастных жертв, похвалы Шанхая и Нанкина? А тем более в Бейтине, оккупированном японцами с самого начала военных действий».

Между тем, вот что сообщает Бертрам: «В Бейтине многое изменилось с прошлого года. Тогда я оставил город, ошеломленный быстротой своего собственного падения... И теперь я нашел его столь же мудрым и хитрым, как всегда, но это уже был город, лишенный всякой надежды. Даже в его полной равновесия атмосфере возобладали энтузиазм. В эти весенние дни в Бейтине у всех на языке единственное слово: оно шепотом бежит по рынкам, оно неподражаемо небрежно произносится на улицах улиц бейтинских жителей. Это слово: «Партизаны»... Оно после летнего поражения китайские войска ожить вернулись, и повстанческие отряды опережают и в Западных горах и в горах Тяньшаня».

В предисловии к английскому изданию автор справедливо отмечает, что многие, останавливаясь на страданиях и колоссальных жертвах Китая, обычно игнорируют такие положительные явления, как политическое самосознание и единство, растущие и крепнущие в горниле войны. Описывая героическую борьбу партизан, Бертрам указывает, что те методы, которые вырабатывает сам китайский народ для своей самозащиты, одновременно открывают широким народным массам и прежде всего неистощимому китайскому крестьянству путь к новой жизни.

Большую часть книги занимает зима 1937—1938 г., которую автор провет в районе действия 8-й Народной-революционной армии. Эта часть представляет исключительный интерес и ценность.

Талантливый переводчик Джемса Бертрама дает возможность увидеть огромный кусок жизни Борющейся Китая.

«Впечатлившей трудностью при первом подходе к дальневосточному проблеме, — пишет в своем предисловии Бертрам, — отвечает недостаточное знакомство с даль-

невосточной обстановкой. Не так уж трудно понять, если вопросы подлежат решению. Но трудно видеть Китай ясно, а большинству из нас необходимо видеть страну, прежде чем начать существовать. Но еще для слишком многих людей Запада полны битвы Азии остаются слишком отдаленными, вне поля зрения, а потому и вне сознания».

Автор, повторим, прекрасно справился со своей задачей, он приближает к нам китайский фронт, вводит его в поле нашего зрения, а следовательно, и в поле нашего сознания.

Начиная с Мао Цзе-дуна, Чжу Дэ, Пан Дэ-уаи, Линь Бяо, Хе Луна, Сюэ Кэ, Лю Бо-чжэня, чьи легендарные имена на протяжении более десяти лет не скроют со страниц мировой печати, и кончая рядовым бойцом, — все они предстают перед нами живыми реальными людьми».

Джемс Бертрам не комментирует, но в то же время он не идеализирует и разряду так называемых «беспристрастных» журналистов.

«И не претендую, — заявляет он, — на беспристрастность... В наши дни писатели делают выбор».

В выборе, сделанном автором «На фронтах Северного Китая», сомневаться вряд ли приходится.

«Я исколесил, — пишет Бертрам, — значительные пространства Северного Китая пешком, верхом на лошади и на военном грузовике и полагаю, что, насколько это возможно для иностранца, полностью жил общей жизнью с китайской армией. Это был интересный опыт, убеливший меня во внутреннем смысле китайского сопротивления».

Автор имел возможность познакомиться с простыми бойцами и наблюдая, как, встречаясь со своими боевыми товарищами, которые пришли из-за Янцзы на Север, чтобы бороться против Японии, они начинают сознавать общность интересов всего китайского народа. Он видел, как расширялся их умственный горизонт, когда то ограниченный линией шаньшаньских комков.

Русский перевод «На фронтах Северного Китая» выпущен Государственным издательством «Художественная литература» в тщательном оформлении, на хорошей бумаге и в красивом переплете. Перевод сделан опытным переводчиком. Все было бы хорошо, если бы в «обложку» не была добавлена «ложка дегтя» в виде иррационального неустройства, а то и недостоверных ошибок.

Так, известный китайский министр и не менее известный японский генерал превращены почему-то в географический пункт.

«Но когда за Ялэ, — читаем мы, — последовала Манчжурия, а за соглашением в Го-Умэну перемирие в Тяньцзинь...» (стр. 38). Подчеркнутое выделено.

«Эта маршлоточная правительственная делегация вскоре после того, как соглашение в Го-Умэну...» (стр. 44).

В действительности речь идет о соглашении Ха-Умэну, т. е. о соглашении, подписанном в декабре 1935 г. военным министром Нанкина Хе Ин-чипем и командующим японскими войсками в Северном Китае генералом Умедау.

На странице 91 целая эпоха Суньсяо династии (960 — 1290 гг.), прославившаяся своими художественными достижениями, китайского искусства, принимается по невниманию за какое-то художника Суна.

В предисловии к английскому изданию автор справедливо отмечает, что многие, останавливаясь на страданиях и колоссальных жертвах Китая, обычно игнорируют такие положительные явления, как политическое самосознание и единство, растущие и крепнущие в горниле войны. Описывая героическую борьбу партизан, Бертрам указывает, что те методы, которые вырабатывает сам китайский народ для своей самозащиты, одновременно открывают широким народным массам и прежде всего неистощимому китайскому крестьянству путь к новой жизни.

Большую часть книги занимает зима 1937—1938 г., которую автор провет в районе действия 8-й Народной-революционной армии. Эта часть представляет исключительный интерес и ценность.

Талантливый переводчик Джемса Бертрама дает возможность увидеть огромный кусок жизни Борющейся Китая.

«Впечатлившей трудностью при первом подходе к дальневосточному проблеме, — пишет в своем предисловии Бертрам, — отвечает недостаточное знакомство с даль-

невосточной обстановкой. Не так уж трудно понять, если вопросы подлежат решению. Но трудно видеть Китай ясно, а большинству из нас необходимо видеть страну, прежде чем начать существовать. Но еще для слишком многих людей Запада полны битвы Азии остаются слишком отдаленными, вне поля зрения, а потому и вне сознания».

Автор, повторим, прекрасно справился со своей задачей, он приближает к нам китайский фронт, вводит его в поле нашего зрения, а следовательно, и в поле нашего сознания.

Начиная с Мао Цзе-дуна, Чжу Дэ, Пан Дэ-уаи, Линь Бяо, Хе Луна, Сюэ Кэ, Лю Бо-чжэня, чьи легендарные имена на протяжении более десяти лет не скроют со страниц мировой печати, и кончая рядовым бойцом, — все они предстают перед нами живыми реальными людьми».

Джемс Бертрам не комментирует, но в то же время он не идеализирует и разряду так называемых «беспристрастных» журналистов.

«И не претендую, — заявляет он, — на беспристрастность... В наши дни писатели делают выбор».

В выборе, сделанном автором «На фронтах Северного Китая», сомневаться вряд ли приходится.

«Я исколесил, — пишет Бертрам, — значительные пространства Северного Китая пешком, верхом на лошади и на военном грузовике и полагаю, что, насколько это возможно для иностранца, полностью жил общей жизнью с китайской армией. Это был интересный опыт, убеливший меня во внутреннем смысле китайского сопротивления».

Автор имел возможность познакомиться с простыми бойцами и наблюдая, как, встречаясь со своими боевыми товарищами, которые пришли из-за Янцзы на Север, чтобы бороться против Японии, они начинают сознавать общность интересов всего китайского народа. Он видел, как расширялся их умственный горизонт, когда то ограниченный линией шаньшаньских комков.

Русский перевод «На фронтах Северного Китая» выпущен Государственным издательством «Художественная литература» в тщательном оформлении, на хорошей бумаге и в красивом переплете. Перевод сделан опытным переводчиком. Все было бы хорошо, если бы в «обложку» не была добавлена «ложка дегтя» в виде иррационального неустройства, а то и недостоверных ошибок.

Так, известный китайский министр и не менее известный японский генерал превращены почему-то в географический пункт.

«Но когда за Ялэ, — читаем мы, — последовала Манчжурия, а за соглашением в Го-Умэну перемирие в Тяньцзинь...» (стр. 38). Подчеркнутое выделено.

«Эта маршлоточная правительственная делегация вскоре после того, как соглашение в Го-Умэну...» (стр. 44).

В действительности речь идет о соглашении Ха-Умэну, т. е. о соглашении, подписанном в декабре 1935 г. военным министром Нанкина Хе Ин-чипем и командующим японскими войсками в Северном Китае генералом Умедау.

На странице 91 целая эпоха Суньсяо династии (960 — 1290 гг.), прославившаяся своими художественными достижениями, китайского искусства, принимается по невниманию за какое-то художника Суна.

В предисловии к английскому изданию автор справедливо отмечает, что многие, останавливаясь на страданиях и колоссальных жертвах Китая, обычно игнорируют такие положительные явления, как политическое самосознание и единство, растущие и крепнущие в горниле войны. Описывая героическую борьбу партизан, Бертрам указывает, что те методы, которые вырабатывает сам китайский народ для своей самозащиты, одновременно открывают широким народным массам и прежде всего неистощимому китайскому крестьянству путь к новой жизни.

П. СЛЕТОВ Слово и музыка

На одной из встреч советских писателей с композиторами вышел разговор об отсутствии общего языка у отдельных представителей смежных искусств — литературы и музыки. Писатели порочились своим общим музыкантам предвзятым встречным счетом.

Композитор Глиэр, начав с того, что «важный музыкант знает из курса средней школы основы теории словесности, а ведь приобщившимся писателям вопрос: — Ну, а кто из вас знает элементарную теорию музыки?»

Увы, примерно на тридцати литературоведов едва ли трое могли по праву поднять голову...

В отчаянии прессы не раз говорилось о «жизном уровне многих талантливых или исполняемых у нас вокальных произведений. Легче всего, конечно, винить в появлении такой макулатурной редакторской деятельности. Однако значительная часть песен, романсов исполняется до издания. Если редакторский контроль слаб в издательстве, то, очевидно, он еще слабее в концертных организациях. И поэтому правильнее искать причину вокального «орка» непосредственно в работе производственных художественных центров — дома и музыканта».

Далеко не всегда поэт знает и понимает, чего ждет от него музыкант и чего сам он вправе ждать и требовать от композитора. Некоторые поэты придерживаются весьма спорной «теории примата» литературной формы над музыкальной. Они рассуждают примерно так: «Если бы стихи были полновесны, на музыку, что же и не пострадал. Но я не буду приспособлять мои произведения к музыкальной форме — пусть ко мне приспособляется музыкант».

Между тем композитор переживает трудности стихотворных сборников в поисках поэтического текста. Не найдя в них ничего, соответствующего своему замыслу, он волей-неволей обращается к тому, кто знает музыку и согласен для нее писать. Так выросли у нас кадры профессиональных «текстовиков». Но пишется ли ими текст к готовой музыке или в расчете на музыканта, поэзия в целом не может снять с себя ответственности за литературную производственное качество вокальных произведений. А если так, то не пора ли пересмотреть вопрос о «примате» поэтического языка над музыкальным и сделать соответствующие выводы?

Вопрос этот имеет свою историю. Напомним, что прекрасные создания великих русских поэтов переделывались и приспособлялись для сцены нашими музыкальными классиками. Так поступали Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Мюссоргский, Рубинштейн, не говоря о других. Напомним, что и изменения, внесенные в свое время в тексты лирических произведений, легших в основу романсов, также не вызвали возражений. Мы помним, как в эпоху подпольных изданий сокращали, вносимых композиторов в поэтический текст, но также и о более существенных поправках.

О, не грусти, земное минет горе, — читаем мы у Алексея Толстого. О, не грусти, мой друг, земное минет горе, — слышим мы в романсе Чайковского «Слеза дрожит» на слова А. Толстого.

Такие и подобные изменения вошли в классическое музыкальное наследие, принятые и закрепленные временем.

Классическим примером «текстовика» был в прошлом Натор Кувольный, чье сотрудничество с М. Глиным обобщаемо. Но один текст глинковского романса был «подложен» Н. Кувольным, последним написанная музыка. В частности, была со-

здана замечательная «Полупная песня». Иногда приходится слышать от поэтов, что такое полупная песня — литературно-музыкальный текст принципиально не существует, ибо он сводит поэзию к служебной по отношению к музыке роли. Между тем, очевидно, что, представляемое поэту творчество экзистенциально — музыка творения законно. Что же касается разговоров о «служебной роли», то разве музыка, написанная к готовому тексту, отличается служебным своим характером?

Все подобные утверждения основаны попросту на старых предрассудках, т. е. иными словами, вытекают из полного незнания о предмете. Не так давно автор рецензий на нотные издания вокальных произведений утверждал, будто хороший текст должен быть прежде всего пригоден для декламации! Что дало повод для подобных суждений, — не знаем. Это одно: они возникли вне всякой связи с действительным положением дела. Характерно и то, что ни один поэт не возражал рецензенту.

Борьба о литературной культуре и пошлости, прославившейся на концертную сцену и в музыкальные издания, возможна только путем вытеснения ее чем-то лучшим, и это требует общей заинтересованности и знания дела.

Мы никоим образом не хотим унизить заслуги наших поэтов в создании советского вокального репертуара. У нас есть немало поэтов, знающих и любящих музыку, чувствующих ее форму. Достаточно упомянуть имя Лебедева-Кумача, и нам сразу вспоминается множество его прекрасных песен, прочно вошедших в репертуар концертной астрды, клубов, самодельных кружков и т. д. Немало полных песен найдется и среди так называемых «текстовиков»; преуспевающая работа для музыки совсем не лишает их поэтического ощущения слова. Однако всего этого недостаточно. Вокальный репертуар очень разнообразен и велик. Он требует новых массовых песен, эстрадно-лирических песенок, романсов, детских песенок, хороших номеров, оперных либретто. Он требует, наконец, осознания первоначальной классической вокальной литературы и перевода на русский язык песен братских народностей. Существующих кадров, очевидно, не хватает. Иначе же объяснить, что вынуждены антихудожественные нотные издания не прекращаются, несмотря на неоднократные резкие выступления критики.

Правда, критика обычно касалась работы Музгиза. Но ноты выпускаются и другими издательствами, и там дело поставлено несколько не лучше. Вот, например, отроки:

Ах, подружики дорогие, Долго мне репиться ли(?) И выдены на свиданье Сарафанчик ситцевый.

«(Сарафанчик ситцевый), слова Родионова». Другое дело — «Песни тяжелой индустрии», там, очевидно, нужно было поужесточить о ситцевом. Зато мы находим в них иные перлы:

От Велого моря до Крыма, С Невы до приморских высот Узорное кружащее дыма Шахтерскую гордость несут.

«(Горняцкая молодежная), слова А. Створяцкого».

Здесь все в порядке, есть и подражание и слауэмом: кружево несут гордость. Вы спросите: почему кружево? Почему несут? Вам ответят: вы не понимаете пафоса!

Оба сборника удивительно похожи друг на друга сороковой материалью, скудостью образов. За немногими исключениями, песни кажутся собранными по одному принципу: текстильщики должны петь на доуге о ситках и батисте, а рабочие — о тяжелой промышленности: о нефти, угле, металле.

Вот опончим школу скоро, Разберемся кто куда, Вася хочет стать шахтером, Боря — строить города.

Так разговаривает ребята у костра в лесне «Над рекой, над Окой», музыка Макарова, слова Высотского, название Музгиза. Но Вася — парень неотстоянный. Попа в сборник «Песни тяжелой индустрии», он уже изменил решение —

Вася хочет стать шахтером. Изначала Рая, которая раньше мечтала развестись в тундре сад, Зато повалился Гриша и Митя, будучие стахановцы тяжелой индустрии. Название песни то же, название и заключительные строфы те же, автор текста тот же, только музыка принадлежит уже Кочетову. Что же касается музыки Макарова, то она не пропадет — на нее поется песня «Пахнут медом», помещенная в том же гостеприимном сборнике. Автор текста тот же, что и «Над рекой, над Окой». Высотская, слова те же, что о музыке Кочетова, т. е. Вася уже хочет стать шахтером.

Вася явно подражает знаменитому Гаурее из фельетонов Ильфа и Петрова, и нехорошо это с его стороны — поэзия комедована к всеобщей олимпиаде детского творчества.

Не довольно ли этих примеров, чтобы сделать вывод: музыка требует участия поэта, но не только, чтобы петь, но и в более богатых, вольной поэтической форме, помещенное на музыку, столь же серьезное и высокое дело, как и всякое слово поэта.

Вася явно подражает знаменитому Гаурее из фельетонов Ильфа и Петрова, и нехорошо это с его стороны — поэзия комедована к всеобщей олимпиаде детского творчества.

Не довольно ли этих примеров, чтобы сделать вывод: музыка требует участия поэта, но не только, чтобы петь, но и в более богатых, вольной поэтической форме, помещенное на музыку, столь же серьезное и высокое дело, как и всякое слово поэта.

В первый раз такой анекдот вымывает улыбку, во второй — равнодушие, в третий — скуку.

Сколько раз можно рассказывать анекдот, все соль которого в неожиданном конце? Воображаю, как примелькался, как впадет самым исполнителем этот... пиферблюк, на котором всегда половина седьмого.

В репертуаре Львовского театра и в сотрудничестве его концерне парад с счастливыми находками есть немало вещей и дешевых, общедоступных. Со скандальной вышней душой обывателя.

В этой пестроте и неровности чувствуется компромисс, на который вынуждены были идти даровитые люди, борясь за свое существование в Польше.

Однако времена эти безвозвратно прошли, а между тем репертуар Львовского театра, включая даже лучшие вещи, таков, каким он мог быть два года тому назад, до освобождения Западной Украины.

Непонятно, почему изобретательный и равноосторожный Конрад Том и его коллектив не использовали своего опыта жизни и в польской Польше и в переконной лагерной и в свободной Украине, чтобы выдать, как сказать, реванш за вынужденную безбашенность. Инженерные шуточки, курьезы, анекдоты — доходящий и аластичный жанр. Его развлекательность можно только приветствовать. Но развлекать долго и успешно нельзя, не обладая большим запасом наблюдений и активной роли. Лучше всего развлекать общество комедией, затронув его текущие злободневные интересы.

Сценарийный анекдот, как и анекдот вообще, сам по себе ничем не ограничен. Он может быть во всем.

Львовский театр должен расширить свой кругозор, найти обильные и разнообразные источники питания для своего репертуара, но при этом во то бы то стало сохранять свою интимную форму, свою демократичность, свое умение шутить, делать,

Льется солнце... На широкие полотна, На асфальт меня, (Стахановка), слова Благого).

Каждое слово, дух языка совершенно не допускает в этом случае отдаления предела от личного местоимения, к которому он относится. Народный обиход, например, явно требует здесь повторения предлога: «на песелу, на меня». Но редакторам и авторам текстов не до таких «тонкостей». Это ведь «Песни текстильщиков», издание Гизлетпрома. Не каждый же день Гизлетпром выпускает подобные сборники, а один раз — сойдет! И если можно, пропустите «на асфальт меня», то стоит ли придираться к таким строчкам:

Ах, подружки дорогие, Долго мне репиться ли(?) И выдены на свиданье Сарафанчик ситцевый.

«(Сарафанчик ситцевый), слова Родионова».

Другое дело — «Песни тяжелой индустрии», там, очевидно, нужно было поужесточить о ситцевом. Зато мы находим в них иные перлы:

От Велого моря до Крыма, С Невы до приморских высот Узорное кружащее дыма Шахтерскую гордость несут.

«(Горняцкая молодежная), слова А. Створяцкого».

Здесь все в порядке, есть и подражание и слауэмом: кружево несут гордость. Вы спросите: почему кружево? Почему несут? Вам ответят: вы не понимаете пафоса!

Оба сборника удивительно похожи друг на друга сороковой материалью, скудостью образов. За немногими исключениями, песни кажутся собранными по одному принципу: текстильщики должны петь на доуге о ситках и батисте, а рабочие — о тяжелой промышленности: о нефти, угле, металле.

Вот опончим школу скоро, Разберемся кто куда, Вася хочет стать шахтером, Боря — строить города.

Так разговаривает ребята у костра в лесне «Над рекой, над Окой», музыка Макарова, слова Высотского, название Музгиза. Но Вася — парень неотстоянный. Попа в сборник «Песни тяжелой индустрии», он уже изменил решение —

Вася хочет стать шахтером. Изначала Рая, которая раньше мечтала развестись в тундре сад, Зато повалился Гриша и Митя, будучие стахановцы тяжелой индустрии. Название песни то же, название и заключительные строфы те же, автор текста тот же, только музыка принадлежит уже Кочетову. Что же касается музыки Макарова, то она не пропадет — на нее поется песня «Пахнут медом», помещенная в том же гостеприимном сборнике. Автор текста тот же, что и «Над рекой, над Окой». Высотская, слова те же, что о музыке Кочетова, т. е. Вася уже хочет стать шахтером.

Вася явно подражает знаменитому Гаурее из фельетонов Ильфа и Петрова, и нехорошо это с его стороны — поэзия комедована к всеобщей олимпиаде детского творчества.

Не довольно ли этих примеров, чтобы сделать вывод: музыка требует участия поэта, но не только, чтобы петь, но и в более богатых, вольной поэтической форме, помещенное на музыку, столь же серьезное и высокое дело, как и всякое слово поэта.

Вася явно подражает знаменитому Гаурее из фельетонов Ильфа и Петрова, и нехорошо это с его стороны — поэзия комедована к всеобщей олимпиаде детского творчества.

Не довольно ли этих примеров, чтобы сделать вывод: музыка требует участия поэта, но не только, чтобы петь, но и в более богатых, вольной поэтической форме, помещенное на музыку, столь же серьезное и высокое дело, как и всякое слово поэта.

В первый раз такой анекдот вымывает улыбку, во второй — равнодушие, в третий — скуку.

Сколько раз можно рассказывать анекдот, все соль которого в неожиданном конце? Воображаю, как примелькался, как впадет самым исполнителем этот... пиферблюк, на котором всегда половина седьмого.

В репертуаре Львовского театра и в сотрудничестве его концерне парад с счастливыми находками есть немало вещей и дешевых, общедоступных. Со скандальной вышней душой обывателя.

В этой пестроте и неровности чувствуется компромисс, на который вынуждены были идти даровитые люди, борясь за свое существование в Польше.

Однако времена эти безвозвратно прошли, а между тем репертуар Львовского театра, включая даже лучшие вещи, таков, каким он мог быть два года тому назад, до освобождения Западной Украины.

Непонятно, почему изобретательный и равноосторожный Конрад Том и его коллектив не использовали своего опыта жизни и в польской Польше и в переконной лагерной и в свободной Украине, чтобы выдать, как сказать, реванш за вынужденную безбашенность. Инженерные шуточки, курьезы, анекдоты — доходящий и аластичный жанр. Его развлекательность можно только приветствовать. Но развлекать долго и успешно нельзя, не обладая большим запасом наблюдений и активной роли. Лучше всего развлекать общество комедией, затронув его текущие злободневные интересы.

Сценарийный анекдот, как и анекдот вообще, сам по себе ничем не ограничен. Он может быть во всем.

Львовский театр должен расширить свой кругозор, найти обильные и разнообразные источники питания для своего репертуара, но при этом во то бы то стало сохранять свою интимную форму, свою демократичность, свое умение шутить, делать,

беспрецизионно, как бы за-ходу, не готовясь и не оставляя шутки с неулыбкой добросовестностью. Театр должен стать более острым и крепким на вкус, более терпимым, но продолжая свое дело по-прежнему весело, шути и играя в самом буквальном смысле этих слов.

Своим другой образ жизни ведет Московский театр эстрады и миниатюр. Его девиз — шути в сторону. Он любит трудные работы. Артист Бельский открыл новую программу выступительным словом. Речь шла о переделке домов, о реконструкции улиц... И все это весело, без улыбок, как и полагается вести себя при исполнении служебных обязанностей.

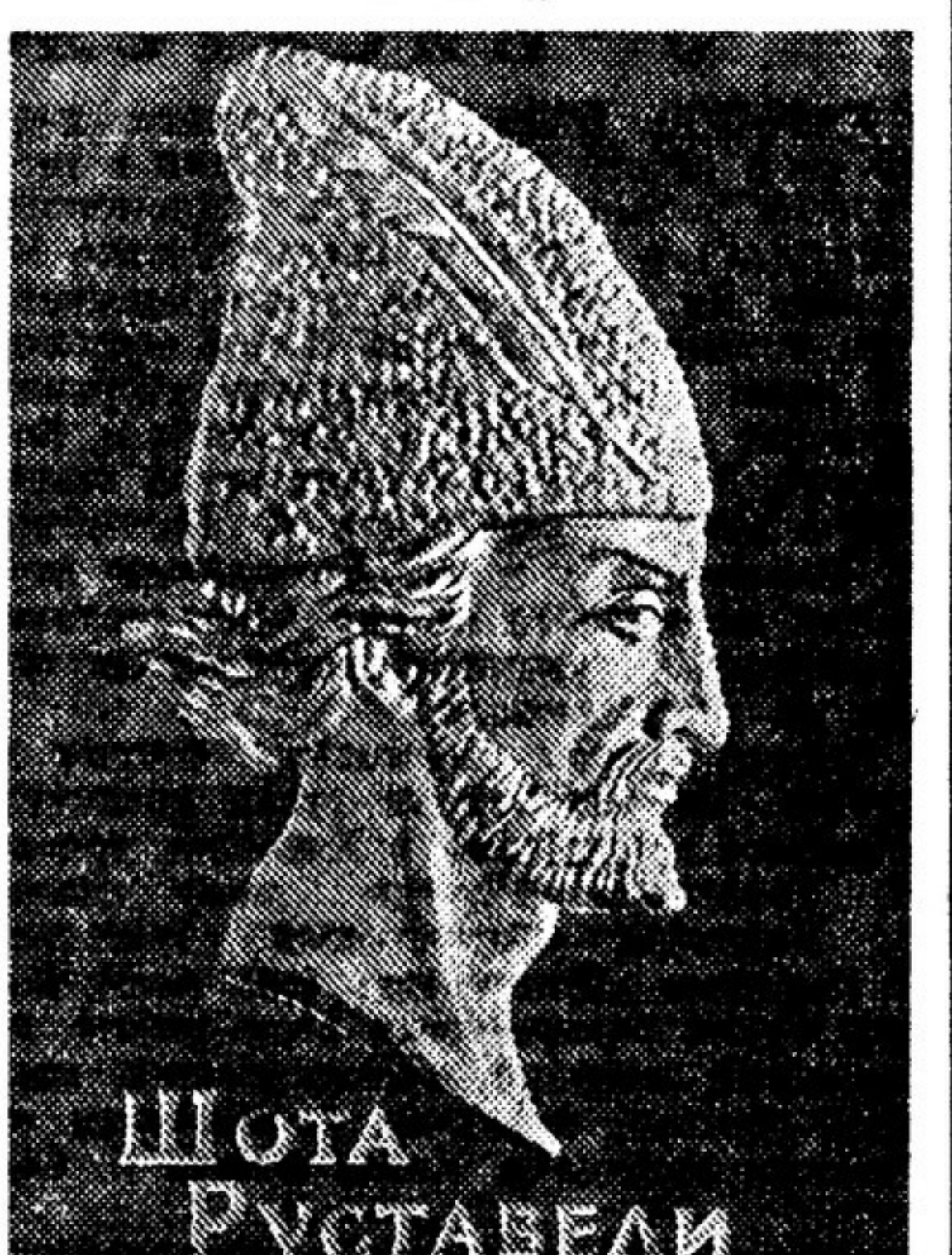
Затем открылся занавес. Началась одна-актная оперетта в двух картинах. На первой картине соорудена палуба парохода. Молодой человек и девушка с хорошими открытыми лицами, слабо подражая настоящим опереточным актерам, поют свои партии, в которых композитор Ильин что-то среднее и слабо подражает Кальману.

Во второй картине выясняется, что первая не имеет с ней ничего общего и ее исполнение ей не нужно. Заменить ее можно буквально одной фразой и предельно короткой длинной лирической сценой только из любви театра и обстоятельности. Молодой человек познакомился с девушкой, и они хотят пожениться. Надо же сказать, как это произошло!

Вторая картина — содержание по предмету и грубоватая по содержанию комедия положений. Северный колхозник принимает девушку за персидскую княжну, уполномоченную Степкой Разинным. Эту нереальность трудолюбивый и обстоятельный театр компенсирует тем, что развивает на сцене широкую картину Волги, — хоть такая «Бесприданница» — на Волге по настоящему движется, уплывая за кулисами, пародом с огибанием! Кстати сказать, в «Бесприданнице» много пародий и сценарийных шуток, которые артисты не видят. Но театр миниатюр не требует, чтобы ему верили на слово. Он любит театр лицом показывать. Пародия — так пародия.

Умевший рассказывать анекдоты, Львовский театр по праву выискивает тех, кто этого не умеет.

— Сколько вы «сдаете» буюк вышотка? — Три. — Как три? Ведь буюк буюк выдте выдте уже не вышотка! — И правда! Вот шуюро. Расскажу жене.

ПОДАРУСТАВЕЛИ

В Госпланах готовится в печати «Взгляд в гипотетическую» Пола Руставели в новом переводе И. Нудубидзе. Оформление книги делал художник Я. Д. Боровой в В. И. Коган. На сценке барельефа Руставели, вынесенный на переднем плане. Фото В. Дегина.

— Жена, сколько ты «сдаешь» буюк вышотка? — Я по утрам ем оухарки. — Ах, какая досада. А то я раскопал бы тебе интересный анекдот.

Мужа, о котором идет речь в этом анекдоте, и видел на предствлении «Персидской княжны». Ему очень понравилась эта поштованка.

Если по ее методу инсценировать анекд

Эпиграммы

И. Стоик
 Годы в бесславии тяжки!
 Сначала он писал стишки,
 Но был поэт не столь прославлен,
 сколь посрамлен и обезглавлен.

Тогда он написал роман,
 но это просто был обман.
 Роман сто лет лежал в пролазе,
 никто не брал со скидкой даже.

Тогда он бойко, без затей
 состряпал «Книжку для детей».
 Печальная оказалась дата
 для детской Дезидата.

Тогда он поступил в Когиз,
 потом в Огиз, затем в Музгиз,
 с трудом держась на каждом месте...
 Теперь он критик. Берегись
 его подвижнической мести!

2. Ответ по существу
 Из быта переводчиков

На чистый глядя небосвод,
 он тронул друга за манжик:
 — Ну, как твой новый перевод?
 — В порядке! Послан на беркжик.

3. Творческое лицо
 Я. Смеляков

К славе Пушкина я спешу,
 к слогу Лермонтова зываю,
 под Маяковского я пишу,
 а чего я хочу — не знаю.

Сергей ВАСИЛЬЕВ.

ЖУРНАЛЫ

«Интернациональная литература»
 Центральное место в двойном № 9 — 10 «И. Л.» занимает «Эпилог» Розы Марлен Дюгара, являющийся завершением романа «Лето 1914 года» и всей эпопеи «Семья Тибо». В разделе прозы печатаются также непереведенные у нас до сих пор петербургские новеллы К. Чапека и рассказы Д. Пильве.

Поэзия представлена большой поэмой Дей Льюиса «Наварра» — об ипохондрических моряках.

Среди материалов, посвященных пятидесяти годовщине со дня смерти Барбюса, публикуются почти неизвестные у нас стихи Барбюса из сборника «Плакальщицы».

«Литература и искусство»

Третий номер львовского журнала «Литература и искусство» открывает стихотворением Теодора Курцта «А сердце Сталина — то мы!» Украинская поэзия представлена произведениями Петра Кармаковского, Юрия Шарумелья, Степана Тулара.

85-летие со дня смерти великого польского поэта посвящены статьи проф. Т. Вой-Желенского «Пути Мицкевича» и Юрия Борейши «Мицкевич, как он есть». Здесь же в переводе на украинский язык приводятся «Ода молодости» и четыре других стихотворения Мицкевича.

Кроме того, в номере напечатана статья И. Вильде о старейшей украинской писательнице О. Ю. Кобылянской и посвященные Кобылянской стихи Ол. Вой-Головко и Уляны Кравченко.

Отдел прозы составляет рассказы «Волк направляется в логово» Ю. Пуцманга, «Галана» И. Керничского и «Три смерти» Ярослав Галана.

«Визисур»

Новобрянский номер эстонского журнала «Визисур» посвящен РСФСР. Обшая обзорная статья рассказывает о мощном социалистическом строительстве в республике. Кроме того, в журнале напечатаны: статья о русской художественной литературе М. Сербянского, отрывок из «Тихого Дона» М. Шолохова, три стихотворения В. Маяковского, стихи Л. Квитко, Д. Алтауэна, А. Жарова. Специальные статьи посвящены драматическим театрам, музыкальной культуре, изобразительному искусству РСФСР.

Статья проф. А. Синисако посвящена выборам депутатов в Верховный Совет СССР.

В номере опубликованы также высказывания Максима Горького о литературе и искусстве, продолжение новеллы Августа Якобсона «Обарк Титусу переступает через пороги» и стихи эстонских поэтов.

ТВОРЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ПИСАТЕЛЮ

На протяжении двух недель, не протекшая ни одного дня, писатели, приглашенные на курсы-конференцию, обсуждали вместе с москвичами произведения своих товарищей.

От одного обсуждения к другому все верней становился метод работы, горячие и плодотворные споры, глубже и подробней анализ произведений. Старая привычка к синхронности критики, отпавшая, разговор принимал открытый, ответственный и по-настоящему товарищеский характер. Участники конференции, как те, которые обсуждали произведения других, так и те, произведения которых обсуждались, поняли, что любви свойственна требовательность, а синхронность — признак равнодушия. На этой, никак не провозглашенной основе, но всеми внутренне понятой, проходила работа конференции. И поэтому даже те писатели, которые услышали немало горьких и суровых слов, сумели преодолеть огорчение и почувствовали, что строгость продиктована любовью к литературе, возросшими требованиями и вполне искренним желанием помочь автору.

Очень строго и детально разбор подвергся произведению ростовского писателя Г. Шолохова-Синяевского. Он пишет уже давно, первый рассказ его напечатан в 1925 г. Сейчас он имеет три крупных произведения: «Суровая пунтя», «Братья» и «Далекие огни». Все вышесказанное, за исключением ростовского писателя Оленича-Гененко, который удовлетворен работой Шолохова-Синяевского и находится в нем много ценного, отрицательно относиться к роману «Братья» (и его новому варианту «Семья Кудимовых») и к роману «Далекие огни». Эти последние произведения значительно слабее, чем первая повесть Шолохова-Синяевского «Суровая пунтя».

Автор словно истощился, переживает, слегка варьируя, темы и образы первого произведения. В последних вещах господствуют схемы и штампы. Герои произведения связаны и в поступках и в душевных движениях надуманным размещением их по заготовленному точному чертежу. Роман «Семья Кудимовых» легко предугадать заранее все намерения автора, никаких неожиданных, свойственных жизни,

Литературная газета
 6 — № 61

В конце декабря в залах Третьяковской галереи открывалась выставка. На выставке будут представлены живопись, скульптура и графика. На снимке: картина «Нрылья холопа» художника А. Дейнека. Фото В. Лягина

Стихи С. Головановского

Послушать Головановского явилось в клуб писателей немало поэтов и ценителей поэзии. Его стихи были приняты тепло. Обсуждение носило серьезный характер.

Выступивший в обсуждении П. Антокольский говорил о том, что его всегда волнуют стихи Головановского. В них несомненно лирическая напряженность. Привлекает прозрачная зеркальность слова, тонкое чувственное прикосновение. Однако в стихах Головановского все еще наблюдается некоторая расплывчатость. Поэту следует упорно бороться за строгость формы, за точность поэтической строки. Прекрасное впечатление оставляют песни поэта.

Другую точку зрения высказал Е. Доматовский. По его мнению, именно в песнях выявляются слабые стороны поэта. Слушателю кажется, что не ритм подчинен замыслу, а, наоборот, замысел подчинен ритму. В больших же вещах слово становится полнозвучным.

— Головановский, — сказал М. Ваян, — поэт большого масштаба. По культурной работе над украинским языком его трудно превзойти в школе Леся Украинки. При всем том его творчество не лишено серьезных недочетов. Некоторая легковесность в эпитетах, любовь к красноречию слову и нелогичка этого слова отличают ранние стихи Головановского. Но и в более поздних поэт не совсем еще освободился от этих недостатков.

— Самое благоприятное впечатление, — сказал Н. Адуев, — оставили восточные миниатюры поэта, его «Ветреные стихи» и «Корабли». Приятно слушать стихи Головановского, но порою кажется, что поэт пропустил то время, когда нужно поставить точку. О лирическом таланте Головановского говорить здесь не приходится. Это все почувствовали.

У писателей Харькова

ХАРЬКОВ. (Наш корр.). Активно начала свою работу творческая секция в харьковской организации ССП. Драмсекия заслушала и обсудила пьесу «Ватько Боженко» Дм. Петровского, которую музыкально комедия Л. Юзида «Юлда ошквалитса дуос», пьесу о Лермонтове «Минше» молодых драматургов А. Хавина и В. Котлярова. На заседаниях поэтической секции обсуждались новые стихи Н. Нагибелды, А. Веретенченко и др. Ближайшее заседание поэтической секции будет целиком посвящено обсуждению новой книги стихов В. Свилянского.

Секция прозы несколько отстает от других. До сих пор не стали предметом широкого обсуждения в Харькове романы К. Гордиенко «Чужую ниву жала», П. Холченко «Сорочинская трагедия», И. Гонимова «Шахтарчук» (оба тома). Секция прозы ограничивала свою работу небольшими вечерами, посвященными, главным образом, новеллам и рассказам отдельных писателей. Книга новелл И. Сен-

ченко вызвала широкую дискуссию в областной и центральной прессе. После опубликования почти десятка статей президиум поставил обсуждение этой книги на своем заседании.

Этим творческим собраниям секция и президиуму предшествовали довольно бурные заседания по общим вопросам литературы. Не мало горьких слов прозвучало и в отношении к тому, что литературная организация не занимается тем, к чему она призвана, о том, что вопросы политико-воспитательные занимали не всегда надлежащее им место.

Значительно поднялся бы уровень всей работы писателей Харькова, если бы наконец, начали нормально функционировать областные отделение издательства «Харьковский писатель». Пока что дальнейший отход от помощи Харькову со стороны киевского правления издательства дело не двинулось.

Д. ВИШНЕВСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Недавнее заседание президиума ССП Грузии было посвящено обсуждению романа Лео Баллаури «Золотые листья». Это первое большое произведение молодого писателя о жизни и быте современной Хевсуретии, когда-то самым отсталым горным районом Грузии.

С разбором романа выступил т. Ш. Радвани. Детально остановившись на достоинствах и недостатках произведения, докладчик отметил несомненный рост творческого дарования автора. К сожалению, кроме доклада, ни один из членов президиума предварительно не ознакомился с романом. Поэтому им пришлось ограничиться только лишь общими замечаниями. В связи с этим решено, чтобы в будущем обсуждаемые книги заранее читались несколькими членами президиума. Обсуждение романа т. Л. Баллаури президиум решил продолжить на следующем своем заседании, выделив т. Лео Киачели для творческой помощи молодому автору.

Члены президиума привлечены сейчас к активному выполнению своих обязанностей — установлено дежурство членов президиума, оживилась деятельность отдельных творческих секций.

Так, на этом же заседании было заслушано сообщение члена президиума т. С. Чиквадзе о проведенной работе за последние дни. Работа эта заключалась в составлении и редактировании двух юбилейных сборников к двадцатилетию Советской Грузии, в подготовке совещания критиков и вечера памяти Миквелья, в утверждении русского литературного кружка при ССП Грузии и подготовке антологии русской поэзии, в утверждении планов работы творческих секций до конца года, и, наконец, организации семинара переводчиков.

Кроме того, президиумом был заслушан доклад т. С. Зули, вернувшегося из поездки в Юго-Осетию. Из доклада выяснилось, что положение в юго-осетинской писательской организации заставляет желать лучшего. Управление т. Зули предложил Х. Плиеву поехать в эту организацию. Никто не занимался молодыми писателями, их воспитанием. Не обсуждались новые произведения, никто не заботился о создании критических кадров и т. д. Единственным литературным журналом «Фидио» (редактор т. Чочиев) пренебрегались в беспечное издание, где публиковались произведения главным образом самого редактора т. Чочиева да еще т. Плиева.

Обком партии Юго-Осетии помог одолжить и укрепить работу писательской организации. На общем собрании писателей Юго-Осетии выбрано новое правление. Председателем избран молодой драматург т. Шавахов.

Приняв к сведению сообщение т. Зули, президиум ССП Грузии решил командировать членов президиума в Аджарию и Иверию для ознакомления с работой местных писательских организаций и помощи им.

Л. АСАТИАНИ

Альбом о Фридрихе Энгельсе

Политбюро готовит к печати большое альбомное издание «Фридрих Энгельс» — иллюстрированную биографию великого основоположника научного социализма.

В отдельных главах книги воспроизведены малоизвестные южеские карандашные зарисовки Ф. Энгельса на деятеля «Молодой Германии», «Кружка свободных», русскую воровку Фридриха-Вильгельма IV и др. Особый интерес представляют фотографии со стародаточной фотопленки балла «Бария Гилланд», портреты Ф. Энгельса, и опубликованы впервые фотоснимок отрывка из словаря, составленного Энгельсом в начале 50-х годов при чтении им «Взгляна Огюстна» в оригинале.

Научная биография Лермонтова

В начале будущего года Гослитиздат выпускает первую часть научной биографии Лермонтова, написанной проф. Н. Бродским. В мае выйдет вторая часть, а к столетию юбилея поэта обе части биографии будут переизданы Гослитиздатом в одной книге.

В первой части биографии много новых, впервые публикуемых данных об окружении поэта, в частности, об имевшем на него огромное влияние Святославе Раевском, крестнике Арееньева.

Пограничники в гостях у литераторов

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Интересный вечер состоялся в Доме писателя им. Маяковского. В гости в Ленинградском писательском доме пришла большая группа знатных пограничников.

От имени писателей гостей приветствовал Иван Канторович.

Во многих рассказах и очерках, посвященных пограничникам, — указав в своем выступлении подполковник Захаров, — наша боевая работа выглядит чрезвычайно простой и легкой: в лесу полагается неуверительно, притягиваются за кулисами пограничники вскакивают на ноги и кричат: «Гуляй везуха была!» «Ложись!» — и все в порядке! Нет, в действительности жизнь пограничников намного интереснее, разнообразнее, красочнее...

Об этой героической жизни ярко и образно рассказали писателям тов. Степанов,

подполковник Захаров, майор Лифшиц, капитан Филиппов, полковой комиссар Солдатов, боец Скляр, полковой комиссар Гуаров, батальонный комиссар Игитов и полковник Дреев. С огромным вниманием был выслушан многочасовой рассказ о мужестве, безаварийной преданности родине командиров и бойцов пограничных войск, о повседневной борьбе с нарушителями государственных границ Советского Союза, о боевых эпизодах у сопки Заозерной и на Халхин-Голе, о полетах во время боев с финской боевой авиацией.

В заключение пограничники-проводники под руководством капитана Архангельского продемонстрировали работу служебных собак.

На вечер пограничников, помимо писателей, присутствовали Герои Советского Союза, артисты, художники.

ВСТРЕЧА С «БЫВАЛЬНЫМИ» ЛЮДЬМИ

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.). В статье «О темах» А. М. Горький писал: «Наряду с писателями, мастерами слова, детская литература должна уметь использовать богатый жизненный опыт бывальщых людей» — охотников, моряков, инженеров, летчиков, агрономов, работников МТС и т. д.

Выполняя этот завет А. М. Горького, редакция журнала «Сибирские огни» и редакция газеты «Советская Сибирь» пригласили «бывальщых людей» г. Новосибирска в клуб писателей и журналистов. Пришли люди тринадцати профессий: геолога, пилота, гидротехника, охотника, выжигателя-шугейца, геодетства, лаборантского, географа и др. Кинорежиссер Литвинов, снимавший картины «Якутия», «Сибирь советская» и многие другие, рассказал несколько интереснейших эпизодов из своих поездок по Сибири, Камчатке и Дальнему Востоку, где он встречался со знаменитым «бывальщым человеком» этого края В. К. Арсеньевым. Яркое и живописное повествование геодетства Карманов о своем путешествии летом этого года по одному из труднейших маршрутов Арееньева. Там, где экспедиция Арееньева, оказавшаяся в глухой безлюдной тайге, когда-то угрожалась голодной смертью, Карманов нашел больше селения. Путешественнику удалось отыскать валуны, оставленные Арсеньевым на перевалах.

Инженер Штрогир рассказывал о поисках золота в сибирской тайге, а известный в Сибири геодетист Фелосеев — о путешествии по Саянам. Все они пишут для журналов очерки о своих путешествиях. Тов. Фелосеев представляет в распоряжение редакции дневник, который он ведет с начала своей топографической работы. Инженер Хмельев пишет очерк о поездке в киноэкспедицию в Эвенкию, об Игарке и Курейке.

А. КОПТЕЛОВ

Художественный совет при Азербейре

БАКУ. (Наш корр.). При отделе художественной литературы Азербейра создан художественный совет. Отныне все рукописи новых произведений, принятые отделом к изданию, будут тщательно обсуждаться советом и только после одобрения поступят в производство.

Членами совета утверждены: Халид Эфендиев (Верховный Совет АЗССР), писатели Сулейман Рагимов, М. Ибрагимов, Самед Вурган, Мамед Рагим, Г. Мехти, Ариф, Э. Мамедханли, Шарифов и другие.

КОНКУРС НА ОБОРОННЫЙ РАССКАЗ

Редакция литературно-художественного журнала «Красноармеец» проводит с 20 декабря 1940 г. по 1 мая 1941 г. конкурс на оборонный рассказ. Тема конкурсных рассказов — показ многогранной жизни Красной Армии, ее боевой и политической учебы.

В конкурсе могут принять участие как красноармейские авторы, так и писатели-профессионалы.

Установлены четыре премии: первая — 6.000 руб., вторая — 3.000 руб., две третьих премии по 1.000 руб. каждая.

Произведения, просматриваемые жюри конкурса и получившие одобрение, будут печататься в журнале до объявления итогов конкурса, которые будут подведены в 1 мая будущего года.

Рассказы следует направлять в адрес редакции журнала «Красноармеец» (Москва, 19, улица Фрунзе, 16), с пометкой «На конкурс».

Последний срок представления рукописей — 10 апреля.

ПАМЯТИ М. ДАНИЕЛЯ

На вечер, посвященный памяти еврейского советского писателя М. Даниэля, в московский писательский клуб явилось много литераторов.

С большой речью, посвященной творчеству Даниэля, выступил А. Гурштейн. Он говорил о глубоком чувстве времени, которым были отмечены все произведения М. Даниэля. Все его творчество было пронизано романтической героикой.

Яркую характеристику Даниэля как драматурга дал в своем слове С. Михоэлс. — Все внимание Даниэля-драматурга, — сказал С. Михоэлс, — было посвящено поведению человека. Его герои больше действуют на сцене, чем рассуждают. Отсутствие схематизма, дышание полнотой жизни, неуверенный героический дух людей, предельных идей, — вот, что делает пьесы Даниэля такими современными и возмущающими.

После выступления И. Нусинова, И. Добужина, С. Марголина и Д. Бердальсона, поленившись своими воспоминаниями о жизни М. Даниэля и впечатлениями о его творчестве, Государственный еврейский театр и Центральный театр для детей показали сцены из пьес писателя: «Соломон Маймон» и «Изобретатель и комедия».

Редакция коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ
 им. Н. Г. Чернышевского
 (Сокольники, Ростокинский пр., 13-а)

ОБЪЯВЛЯЕТ О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ
 НА ОБОИХ УРОВНЯХ УЧЕБНОЙ КАДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

27 ДЕКАБРЯ 1940 ГОДА
 В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

НА ОТКРЫТОМ СОБРАНИИ УЧЕБНОГО СОВЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА:

1. АРДЕНС Н. Н.
 на тему: «Война и мир» Л. Толстого
 ОПООНЕНТЫ: проф. Гуляев, Н. К., проф. Брейбург, С. М.

2. САБУРОВ А. А.
 на тему: «В. С. Печерин».
 ОПООНЕНТЫ: проф. Бродский, Н. Л., доц. Белкина, А. А.

С диссертациями можно ознакомиться в литературном кабинете МИФИЛИ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУЗГИЗ»

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСК НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА» НА 1941 ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
 на год — 42 р.
 » 6 мес. — 21 р.
 » 3 мес. — 10 » 50 к.

Подписку и деньги направлять по адресу: МОСКВА, 22, Мал. Декабьрская, 2/4, Отделу распространения изд-ва «Искусство».

Подписку принимают также все отделения Союзпечати и повсеместно по почта.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСК НА 1941 ГОД НА «КИНОИСКУССТВО»

ОРГАН КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ КИНОМАТОГРАФИИ при СНК СССР.
 ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВЕТСКОЙ КИНОМАТОГРАФИИ.

Журнал рассчитан на творческие кадры киноработников, смежных искусств и учащихся художественных вузов. Журнал «КИНОИСКУССТВО» будет помещать статьи по основным творческим вопросам художественной, документальной и учебной кинематографии.

Широкое внимание журнал уделяет вопросам кинодраматургии, режиссерского, операторского и актерского мастерства; теории, критике и истории кино у нас и за рубежом.

В журнале будет опубликовано: ряд советских и иностранных сценариев, творческие портреты лучших художников кино, статьи мастеров киноискусства, посвященные основным вопросам творчества. Систематически в журнале будут помещаться статьи о новых фильмах.

В 1941 году журнал уделяет особое внимание новым отраслям кино — цветной и стереоскопической кинематографии.

Журнал выходит один раз в месяц об'емом в восемь печатных листов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 72 р., на 6 мес. — 36 р., на 3 мес. — 18 р.

— ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 6 руб. —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно отделениями Союзпечати и почтой. Подписные деньги в адрес издательства или в каком-либо другом случае не направлять, так как Госкиноиздат не имеет операций по приему подписки не производит.